

Джулиан Корбетт

Великие морские сражения XVI–XIX веков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=618235
Великие морские сражения XVI—XIX веков: ЗАО Центрполиграф; Москва; 2009
ISBN 978-5-9524-4340-2

Аннотация

Известный исследователь Джулиан Корбетт в своей работе, посвященной британскому военно-морскому флоту XVI–XIX веков, рассказывает об особенностях профессиональной подготовки военных и политических событиях, позволивших Великобритании надолго занять лидирующую позицию в военных столкновениях на море. В книге представлены тактические и стратегические принципы знаменитых адмиралов – Нельсона, Роднея, Хока и других выдающихся личностей Соединенного Королевства.

Это фундаментальное историческое исследование дает исчерпывающие ответы на спорные вопросы в отношении военной интервенции, методов осуществления господства, а также основных различий в ведении войны на суше и на море.

Содержание

Введение	4
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Джулиан Корбетт Великие морские сражения XVI–XIX веков

Введение ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЙНЫ. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И ОГРАНИЧЕНИЯ ВОЙНЫ

На первый взгляд ничто не может быть более бессмысленным, чем теоретическое изучение войны. Есть даже некий антагонизм между складом ума, тяготеющим к теоретическому руководству, и тем, что создан для успешного претворения теории в жизнь. Ведение войны определяют такие составляющие личности, как характер, здравый смысл, способность быстро принимать решения с учетом сложных и постоянно меняющихся факторов. Сами эти факторы настолько многочисленны, неосвязаемы и зависимы от разного рода условий, что не представляется возможным свести их к чему-то, даже отдаленно напоминающему научный анализ. Если речь заходит о теории, или «науке», войны, на ум постоянно приходят хорошо известные случаи, когда весьма образованные офицеры оказывались несостоятельными в роли командиров. С другой стороны, никто не станет отрицать тот факт, что после того, как великие теоретики начала XIX века создали теорию войны, она приобрела небывалую точность и определенность, так необходимую для успешного управления. Стоит также принимать во внимание, что самые успешные полководцы придавали огромное значение трудам классиков стратегии.

Истина заключается в том, что недоверие к теории – результат неправильного представления о ее предназначении. Она не претендует на определение правил ведения боевых действий, а лишь увеличивает их эффективность. Ее основная практическая ценность заключается в помощи способному человеку расширить свои перспективы; с ее помощью он может приобрести уверенность в успешном практическом применении. Владеющий теорией своего плана командир сможет быстрее и с большей определенностью учитывать все факторы, влияющие на возникновение непредвиденных ситуаций. Величайший из теоретиков был весьма откровенен в своих высказываниях. О теоретическом изучении он говорил следующее: «Оно должно развивать ум человека, которому предназначено стать полководцем, или даже сподвигать его к самообразованию, но не должно сопровождать его на поле боя».

Но польза теории ни в коей мере не ограничивается воздействием на возможности полководца. Если он способен принимать правильные решения – прекрасно, но недостаточно. Его подчиненные должны моментально схватывать суть его решения и иметь возможность претворить его в жизнь с помощью согласованных действий. Для этого все они должны научиться мыслить в той же плоскости. Приказ командира должен стимулировать в каждом из них одинаковый мыслительный процесс, его слова должны иметь для всех один и тот же смысл. Если бы тактическая теория существовала в 1780 году и капитан Каркетт был бы большим специалистом в этой области, возможно, он бы правильно понял сигнал Роднея¹. На самом деле истинное значение сигнала было не совсем понятно, и отказ Роднея разъяснить тактический механизм, который он использовал, лишил его страну победы в тот

¹ Родней Джордж Брайджес (1718–1792) – английский адмирал. (Здесь и далее, если не указано иначе, примеч. пер.)

момент, когда она была в высшей степени необходима². Не было необходимой теоретической подготовки, чтобы ликвидировать промах, и грандиозные планы Роднея остались непонятными для всех, кроме него самого.

Нельзя сказать, что теория необходима только для солидарности между полководцем и его подчиненными. Она скорее важна для формирования аналогичной солидарности вне боя. Нередко офицерам приходится безропотно соглашаться на участие в нерационально спланированных кампаниях только из-за отсутствия убедительных контраргументов. Более того, государственные деятели и офицеры, даже тесно и гармонично сотрудничающие, часто не могут выработать четкий план военных действий только из-за неспособности подвергнуть научному анализу определенную ситуацию и оценить характер борьбы, в которую им надлежит вступить. Стоит ли ожидать, что характер военных действий будет оценен современниками так же объективно, как его увидят по прошествии многих лет. Поначалу случайным факторам обычно придается слишком большое значение, и они скрывают за собой истину. Эта ошибка, скорее всего, неизбежна, но теоретическое исследование может свести ее негативные последствия к минимуму. Да и нет другого средства, с помощью которого можно было бы спрогнозировать, какие недочеты увидят потомки. Теория, по сути, это вопрос, требующий вдумчивого рассмотрения. Ее практическое применение в итоге зависит от комбинации человеческих качеств, которые определены как исполнительские способности.

Все великие военные деятели в той или иной степени признавали теорию, но главные, или, по крайней мере, некоторые из них, после многих лет службы, придавали ей огромное значение. Клаузевиц в своем труде «О войне» писал, что в реальных операциях люди руководствуются исключительно собственным суждением, которое оказывается более или менее правильным, в зависимости от их одаренности. Так поступали все великие генералы. Так всегда будет происходить во время таких боевых действий, когда своего мнения вполне достаточно. Но если речь идет не о личном участии в сражении, а о том, чтобы убедить в чем-то, к примеру, членов правительства, тогда все зависит от четких концепций и ясного изображения той или иной взаимосвязи. В этом отношении прогресс настолько незначителен, что большинство рассуждений есть всего лишь словесные споры, не имеющие под собой прочной основы и оканчивающиеся либо тем, что все стороны остаются при своем мнении, либо компромиссом, достигнутым благодаря взаимоуважению, иначе говоря, средним курсом, не имеющим действительной ценности.

Автор неоднократно принимал участие в подобных дискуссиях. Четкое понимание идей и факторов, вовлеченных в проблему войны, и определенное выражение связей между ними были в его глазах лекарством от бессмысленных споров, и именно оно называется теорией или наукой войны. Это процесс, с помощью которого координируются идеи, определяются значения используемых терминов, обозначается разница между главными и второстепенными факторами, а также фиксируется важная информация, не подлежащая обсуждению. Таким образом, создается аппарат для дискуссий, обеспечиваются средства для придания факторам удобной для оперирования ими формы, чтобы на их основании можно было точно и быстро составить план действий. Без подобного аппарата даже два человека не смогут мыслить в одном направлении и прийти к соглашению.

В данном случае мнение о значении стратегической теории имеет особую важность, и его масштаб намного больше, чем могут представить его континентальные сторонники. Для мировой морской державы успешное ведение войны часто зависит не только от решений своего правительства, но также от исхода совещаний во всех частях света между команди-

² Очевидно, речь идет о сражении, состоявшемся 17 апреля 1780 года между англичанами и французской эскадрой контр-адмирала де Гишена. Оно имело место между островами Доминика и Мартиника. Замысел Роднея поставить 2/3 неприятельского флота под удар всего английского так и не был осуществлен.

рами эскадр и местными властями, и военными, и гражданскими, и даже между командующими смежными базами. Во время войны, затрагивающей интересы империи, или в процессе подготовки к ней все действия должны основываться на взаимосвязи военно-морских, военных и политических соображений. Некая средняя линия, обозначенная дома, должна дорабатываться на местах сражений, с учетом местных факторов. Обмен мнениями всегда необходим, а чтобы он был конструктивным, должно существовать общее средство выражения и общая плоскость мысли. Эту жизненно важную подготовку и обеспечивает теория; в этом же заключается ее практическая значимость для всех, кто берет на себя ответственность на службе империи.

Причем значение абстрактных стратегических исследований с этой точки зрения настолько велико, что следует избегать их неоправданно завышенной оценки. Классические стратеги прекрасно знают об отсутствии у своей так называемой науки больших возможностей и постоянно указывают на опасность требования от нее того, что она дать не в состоянии. Они даже не употребляют само слово «наука», предпочитая более старый термин «искусство», и не допускают точной формулировки законов стратегии. Подобные законы, по их мнению, могут лишь ввести в заблуждение на практике, поскольку противодействия, которым они подвержены благодаря одним только непрогнозируемым человеческим факторам, чрезвычайно сильны. У юристов бытует поговорка, гласящая, что ничто не вводит в заблуждение сильнее, чем узаконенная максима. Но стратегической максиме, несомненно, в действии следует доверять еще меньше.

Резонный вопрос: какие же тогда осязаемые результаты можно получить благодаря теории? Если все, на чем нам приходится основываться, настолько неопределенно, как же сделать надежные выводы? То, что факторы бесконечно меняются и трудно поддаются определению, – правда, но следует помнить, что это только подчеркивает необходимость максимально твердых и определенных (насколько это возможно в конкретной ситуации) позиций. Чем более неясной представляется проблема, которую следует решить, тем больше решимости следует проявить в поиске отправных точек для начала действий, постоянно памятуя о возможных случайностях и их пагубном влиянии. И здесь на помощь приходит теоретическое изучение стратегии, которое может дать, по крайней мере, некую среднюю величину. Тщательное сопоставление событий прошлого показывает, что определенные линии поведения обычно дают определенный результат. Войны имеют тенденцию к принятию определенных форм с ярко выраженными отличительными особенностями, но эти формы обычно связаны с целью войны и ее значением для одной или обеих воюющих сторон. Методы боевых действий, подходящие для одной формы, могут быть неприемлемы для другой. Можно пойти еще дальше. Использование исторического и сравнительного методов дает вывод, что и человеческий фактор не так уж ненадежен. Можно утверждать, что определенные ситуации приводят либо нас, либо наших противников в определенное моральное состояние, и на этом можно основываться, производя разного рода расчеты.

Определив среднюю величину, легко сразу оказываться в более выгодном положении. С ней можно сравнить любое предложение, после чего прямо переходить к обсуждению весомости факторов, побуждающих к отклонению от этой величины. Любое дело следует рассматривать с точки зрения его достоинств. Но без некоего ориентира, от которого можно отталкиваться, нереально составить обоснованное суждение – остается только делать предположения. Конечно, в каждом случае будет наблюдаться большее или меньшее отклонение от средней величины, ведь самыми большими военными успехами были максимальные отклонения от нее. Но по большей части эти отклонения были инициированы гениями, которые пошли на это с открытыми глазами, увидев в сложившихся обстоятельствах достаточную причину для такого поступка.

Если взять аналогичный пример, то область стратегической теории сразу станет ясной. Навигации и относящимся к ней элементам сферы мореплавания приходится иметь дело с такими же многочисленными и ненадежными явлениями, как и ведению войны. Вместе они образуют искусство, которое, как и полководческое, всецело зависит от суждения отдельных индивидуумов. Законы штормов и приливно-отливных явлений, ветров и течений, а также всей метеорологии подвержены бесконечному числу случайных воздействий, но кто в наши дни станет отрицать, что благодаря теоретическому исследованию таких вещей искусство мореплавания стало намного надежнее? Такое изучение само по себе не сформирует моряка или штурмана, но без него современный мореплаватель не сможет качественно выполнять свою работу. Несмотря на то что шторма не похожи один на другой, а течения и вовсе иногда ведут себя непредсказуемо, нельзя утверждать, что изучение нормальных условий бесполезно для принятия практических решений.

Если применить такой же подход к стратегии, иначе говоря, если ее рассматривать не как замену суждению и опыту, а как средство сделать и то и другое более продуктивным, это никому не принесет вреда. Личное мнение и здравый смысл останутся хозяевами положения и помогут продвинуться в верном направлении, когда обилие фактов приведет в замешательство. Теория предостережет, если наметится поворот с проторенной колеи, позволит принять решение, необходимое и оправданное. Когда же начнется обсуждение «в верхах», она поможет удержать решение в определенных рамках.

Однако, помимо изложенного, в военной теории есть еще один момент, имеющий особое значение для морской державы. Принято, частично из-за удобства, а частично из-за отсутствия навыков научного мышления, говорить о морской и военной стратегиях, как будто это совершенно разные отрасли знаний, не имеющие общей платформы. Именно военная теория выявляет их тесную связь. Она показывает, что использование обеих – более масштабная стратегия, рассматривающая армию и флот как одно оружие, координирующая их действия и вырабатывающая курсы, по которым армия и флот должны двигаться, чтобы максимально реализовать свою мощь. Такая стратегия подтолкнет к обозначению функций армии и флота в войне, позволит каждой части вооруженных сил верно оценить ограничения и возможности приписываемых ей функций, осознать, когда следует поступиться собственными интересами ради высших или более срочных нужд другой. Иначе говоря, не приходится сомневаться, что военно-морская стратегия существует не сама по себе, что ее проблемы редко решаются (а то и вовсе никогда), руководствуясь только соображениями, связанными с флотом. Она является частью общей морской стратегии – более масштабного учения, которое утверждает, что для успешного ведения войны и полной реализации возможностей морской державы ее армия и флот должны рассматриваться и использоваться как инструменты, не менее тесно связанные между собой, чем части сухопутных вооруженных сил.

По этой причине вряд ли стоит рассматривать военно-морскую стратегию иначе, чем в непосредственной взаимосвязи с общей теорией войны. Иначе невозможно понять, каковы ее истинное значение и факторы, на нее воздействующие.

Часть первая ТЕОРИЯ ВОЙНЫ

Глава 1 ТЕОРИЯ ВОЙНЫ

Итог работы любого исследователя – подробная карта местности, на которой он путешествовал. Но для тех, кто после него приступал к работе в той же области, эта карта – первое, с чего следует начать. Так же и со стратегией. Прежде чем начать ее изучение, необходимо найти карту, которая сразу покажет участок для исследования и основные черты, определяющие его форму и характеристики. Таковую карту может дать только «теория войны». По этой причине, исследуя войну, нужно овладеть основами теории, а уж потом пускаться на поиски практических выводов. Война настолько сложна и многогранна, что без такого руководства есть риск заплутать среди дорог, на каждом шагу изобилующих препятствиями. Если значение стратегии и в сухопутной войне не подвергается сомнению, то в войне на море, где условия стократ сложнее, нужда в ней еще более велика.

Морская стратегия – комплекс принципов, которыми определяются военные действия. Основным фактором в данном случае является море. Военно-морская стратегия – есть ее часть, определяющая движение флота, в то время как морская стратегия определяет, какую роль флот должен сыграть в связи с действиями сухопутных сил. Вряд ли стоит отдельно упоминать о том, что ведение войны при помощи одних только военно-морских сил практически невозможно. Без соответствующей помощи давление с моря может оказывать только негативное влияние. Его эффект обычно медленный и неприятный как для торговли, так и для нейтралов, и поэтому всегда существует тенденция принять условия мира, весьма далекие от желаемых. Для твердого решения необходимо более интенсивное давление. Поскольку люди живут на земле, а не в море, большие разногласия между воюющими народами всегда решались – за исключением разве что редчайших случаев – тем, что армия может совершить на вражеской территории, или страхом перед тем, что флот даст ей возможность совершить.

Таким образом, главная забота морской стратегии – определить взаимоотношения армии и флота в войне. Когда это сделано, и ни в коем случае не раньше, наступает очередь военно-морской стратегии разработать способ, с помощью которого флот может наилучшим образом выполнять свои функции.

Проблема такой координации допускает множество решений. Может статься, что ввиду первостепенной срочности и огромной важности задач флота армии придется посвятить себя помощи флоту, прежде чем начать непосредственные действия против наземных сил противника. С другой стороны, может случиться так, что первейшей задачей флота будет способствовать военным действиям на берегу, и только потом приступить к уничтожению вражеского флота. Максимумы, касающиеся определения первоочередных целей, успешно работавшие в сухопутной войне, никогда не действовали так же хорошо, когда важным фактором войны становилось море. В таких случаях уже недостаточно утверждать, что первоочередная цель армии – уничтожить вражескую армию, а флота – уничтожить вражеский флот. Тонкое взаимодействие наземных и морских факторов создает условия слишком запутанные для столь прямолинейных решений. Даже начальные «уравнения» оказываются слишком сложными, чтобы свести их решение к простому применению готовых максим. Их правильное решение зависит от фундаментальных принципов войны, и для определения

позиции, с которой хорошо видны все факторы и их истинные взаимоотношения, решающее значение имеет теория.

Теория, которая сегодня прочно удерживает свои позиции, заключается в том, что война в фундаментальном смысле есть продолжение политики с помощью других средств. Процесс, в результате которого континентальные стратеги пришли к этому выводу, включал ряд сложных философских рассуждений. Создатели теории были достаточно опытными, но их метод не принадлежит к легко воспринимаемому. Поэтому лучше сначала попытаться представить их выводы в конкретной форме, что сразу сделает понятной суть дела. Рассмотрим, например, обычный случай, когда военно-морскому или морскому штабу поручено подготовить план военных действий против определенного государства и дать рекомендации по поводу средств его осуществления. Очевидно, что возникнет следующий вопрос: какова цель войны? Без определенного или альтернативных ответов на этот вопрос штаб вряд ли сможет сделать больше, чем порекомендовать сделать вооруженные силы, которые страна может себе позволить, наиболее эффективными. Прежде чем предпринять дальнейшие шаги, разработчикам необходимо понять множество вещей. Они должны знать, есть ли расчет на получение чего-то от противника, или необходимо не допустить, чтобы он что-то получил от данной страны или любого другого государства. Если от другого государства, то необходимые меры должны основываться на его географическом положении и относительной мощи – сухопутной и морской. Даже если цель ясна, необходимо знать, насколько большое значение ей придает противник. Станет ли он сражаться за нее насмерть или откажется от этого сравнительно легко? В первом случае нельзя надеяться на победу, не сломив полностью сопротивление противника, во втором – достаточно нацелиться на что-нибудь менее дорогостоящее и опасное, предпочтительно находящееся в пределах досягаемости. Все эти вопросы находятся в компетенции министров, отвечающих за внешнюю политику страны, и прежде, чем штаб перейдет к планированию военных операций, на них должны быть даны ответы.

Короче говоря, штаб должен задать вопрос: какую политику проводит ваша дипломатия и где и почему вы ожидаете ее крушения, которое вынудит взять в руки оружие.

Военный штаб должен продолжать работать, когда дипломаты окажутся неспособными получить желаемое, а используемые им методы будут зависеть от природы поставленной цели. Вывод: война есть продолжение политики, форма политического взаимодействия, важной составляющей которой является сражение.

Именно эта теория, на первый взгляд простая и бессмысленная, дала ключ к практической работе, направленной на формирование современных военных планов, и совершила революцию в изучении стратегии. Она появилась только в начале XIX века. Долгое время люди писали об искусстве войны, но из-за отсутствия исправно работающей теории их труды оставались ненаучными, посвященными в основном проблемам сиюминутным и весьма банальным. Правда, были довольно неплохо проработаны мелкие детали, но не был выработан перспективный взгляд на проблему в целом, который позволил бы определить отношение деталей к фундаментальным постоянным величинам рассматриваемой проблемы. Еще не была найдена точка отсчета, благодаря которой можно было бы отделить основополагающие факторы от случайных. Результатом стала тенденция ставить во главу угла только последние примеры и ошибочно применять методы, позволившие достичь недавнего успеха, к войне в целом. Не существовало средств для определения того, чему обязан конкретный успех – сложившимся специфическим обстоятельствам или факторам, общим для всех войн.

Революционные и Наполеоновские войны совпали с периодом философской активности, который обнажил поверхностность и эмпирическую природу всего, что было сделано до этого времени. Наполеоновские методы, по мнению его современников, произвели пере-

ворот в ведении наземной войны, которое приобрело совершенно новый аспект, и стало очевидно, что концепции, вполне приемлемые ранее, стали совершенно нежизнеспособны в качестве базы для глубокого исследования. Создалось впечатление, что война на суше изменилась. Теперь она стала не просто ударом и отражением атаки регулярных армий, а стремительным нападением одной вооружившейся нации на другую, когда каждая жаждет крови другой и стремится уничтожить противника или погибнуть. Люди оказались свидетелями высвобождения человеческой энергии, которая не имела аналогов, по крайней мере в цивилизованные времена.

Предположение не было до конца верным. Ведь если континент раньше действительно не применял упомянутые методы, Англия не была с ними совсем уж незнакома, идет ли речь о суше или о море. Как станет ясно впоследствии, революция XVII века дала Англии активные методы ведения войны, тесно связанные с теми, которые принял на вооружение Наполеон от лидеров французской революции. Философский взгляд мог бы допустить предположение, что явление не было исключительным, а наоборот, вполне естественным выходом человеческой энергии, инициированным вдохновляющим политическим идеалом. Но британский прецедент был забыт, и возбуждение, вызванное новыми французскими методами, оказалось настолько глубоким, что его влияние до сих пор имеет место быть. Некоторые специалисты склонны утверждать, что сейчас существует только один способ ведения войны – наполеоновский. Игнорируя тот факт, что Наполеон в итоге потерпел поражение, они называют ересью даже само предположение, что могут существовать и другие способы. Они не удовлетворяются заявлением, что наполеоновская система подходит ко всем войнам, как бы сильно ни различались их характеры и цели, и насильственно обряжают в ту же форменную одежду и войну на море, полагая, очевидно, что тем самым делают ее презентабельной и придают ей новую силу.

Видя, насколько ограниченной стала наполеоновская идея, было бы удобнее, прежде чем двигаться дальше, точно определить ее особые характеристики, но это не так легко. Подходя к ней с критических позиций, можно увидеть только расплывчатой и не поддающейся определению. Вполне реально с некоторой натяжкой выделить четыре идеи, переплетенные в современном представлении. Во-первых, это идея ведения войны силами не только регулярной армии, но и всего вооружившегося народа – концепция, которая, по сути, вовсе не была наполеоновской. Он получил ее в наследство от революции, хотя в действительности она была намного старше. Это было возрождение популярной практики, возникшей на раннем этапе социального развития, от которой все нации поочередно отказались, как от экономически не обоснованной и опасной. Результаты этого отказа были иногда хорошими, иногда плохими, но определяющие условия отличались несовершенством. Во-вторых, существует идея активных усилий – не останавливаться, чтобы закрепить каждое мелкое достижение, и гнать врага без перерыва и отдыха, пока он не будет окончательно разбит, – идея, которой Кромвель опередил Наполеона на полтора века. Мало отличается от нее и третья идея – о переходе в наступление. В ней нет ничего нового, поскольку ее преимущества всегда были понятны, и Фридрих Великий постоянно пользовался ею почти с тем же бесстрашием, что и сам Наполеон – даже с заслуживающим порицания безрассудством, как признают высокопоставленные сторонники наполеоновских идей. И наконец, существует идея о превращении вооруженных сил противника, а не территории его государства или его части, в главную цель. Это, вероятно, может рассматриваться как самая значительная характеристика наполеоновских методов. Здесь нас вводит в заблуждение тот факт, что, несомненно, в особых случаях, таких как, например, аустерлицкая кампания, Наполеон делал своей целью вражескую столицу, как будто верил, что ее оккупация является наиболее важным шагом в отношении ликвидации вражеских сил и воли к сопротивлению. Он определенно не счи-

тал своей первоочередной целью главную армию противника, ведь основной была армия не Мака, а эрцгерцога Карла.

В общем, когда говорят о наполеоновской системе, имеется в виду две группы идей: в одну входит концепция войны, которая ведется силами всей нации, в другую – идея Кромвеля о продолжительном усилии, предпочтение, отдаваемое Фридрихом наступлению, практически любой ценой, и, наконец, идея о вражеских вооруженных силах как главной цели, которая также принадлежала Кромвелю.

Именно комбинация этих, несомненно, оригинальных идей привнесла в ход ведения военных действий настолько радикальные изменения, что, кажется, война стала другой. В данном случае нет необходимости выяснять, насколько факты подтверждают этот вывод. Учитывая природу вещей, он должен быть ошибочным. Неужто война или что-либо другое могут поменять свою суть? Если создается именно такое впечатление, значит, случайности путают с закономерностями, что нередко было свойственно величайшим мыслителям наполеоновских времен.

На какое-то время, судя по всему, они зашли в тупик, но, очистив свои умы от грохота сражений, в которых они принимали непосредственное участие, эти люди ясно увидели, что новые явления, по сути, являются случайными. Они осознали, что наполеоновские методы, взявшие мир штурмом, были успешными только в войнах определенного характера, а когда полководец решил применить их в войнах другого плана, он потерпел неудачу. Чем это можно объяснить? Какая теория, например, смогла бы охватить наполеоновские успехи в Германии и Италии, а также неудачи в Испании и России? Если же изменилась концепция войны в целом, как можно объяснить успех Англии, которая не меняла свои методы? Ответ на эти вопросы чрезвычайно важен. Наша точка зрения осталась неизменной. Есть ли нечто неотъемлемое в концепции войны, оправдывающее подобное отношение в нашем случае? Имеем ли мы право и в будущем ожидать такого же успеха?

Первым человеком, сформулировавшим теорию, объясняющую явления Наполеоновской эпохи, был генерал Карл фон Клаузевиц, человек, чья ревностная служба и преподавательская работа отразили необходимость систематизации исследований в его профессиональной области. Он был не просто профессором, а солдатом, получившим образование в суровой школе войны. Ученик и друг Шарнхорста и Гнейзенау, он служил в штабе Блюхера в 1813 году, был начальником штаба корпуса Л. Вальмодена во время его кампании против Даву на нижней Эльбе и 3-го прусского армейского корпуса в кампании 1815 года. После этого он был директором Всеобщего военного училища в Берлине и умер в 1831 году, занимая должность начальника штаба армии маршала Гнейзенау. В течение пятидесяти лет после его смерти его теории и система подверглись, как он и ожидал, нападкам со всех сторон. Однако сегодня его работы являются основой стратегической мысли, и прежде всего в Германии, прошедшей школу «крови и железа».

Процесс, с помощью которого Клаузевиц пришел к своей знаменитой теории, прослеживается в его известной работе «О войне». В соответствии с философской модой своего времени он начал с попытки сформулировать абстрактную идею войны. Первым было определение: «Война есть акт, призванный заставить нашего противника выполнить нашу волю». Но этот акт насилия был не просто «столкновением армий», как полтора века назад его определил Монтекуоли³. Если проанализировать абстрактную идею войны, то по логике акт насилия должен быть осуществлен с помощью всех средств, имеющихся в нашем распоряжении и при максимальном напряжении воли. В результате мы получаем концепцию двух вооруженных наций, напавших друг на друга и продолжающих борьбу с максимальной силой и энергией до тех пор, пока одна из них не оказывается неспособной к дальней-

³ Монтекуоли Раймунд (1609–1681) – знаменитый австрийский полководец.

шему сопротивлению. Это Клаузевиц назвал «абсолютной войной». Но богатый практический опыт и систематическое изучение истории подсказали ему, что «реальная война» есть нечто совершенно иное. Он утверждал, что наполеоновские методы действительно приблизились к абсолютным и придали немного цвета использованию абсолютной идеи как рабочей теории. «Но должны ли мы, – спрашивает он, – удовлетвориться этой идеей и применять ее ко всем войнам, какой бы характер они ни носили? Должны ли мы вывести из нее все, что требуется от теории? Это следует решить, потому нельзя ничего с уверенностью сказать о военном плане, не осознав, должна ли война быть только такого типа, или она может быть и другой». Клаузевиц сразу понял, что теория, сформированная вокруг абстрактной или абсолютной идеи войны, будет ограниченной, а значит, не сможет дать все, что требуется для практических целей. Она исключит почти все войны, которые велись со времен Александра Македонского до эпохи Наполеона. И где гарантия, что следующая война будет строго соответствовать наполеоновскому типу и впишется в абстрактную теорию? «Эта теория, – писал он, – совершенно бессильна против обстоятельств». Так оно и было, и войны середины XIX века действительно вернулись к донаполеоновскому типу.

Если коротко, трудность Клаузевица в принятии его абстрактной теории в качестве рабочего правила заключалась в том, что он учитывал следующее: война не началась с началом революционной эпохи и вряд ли закончится вместе с ней. Если эта эпоха изменила характер войны, следует предположить, что война изменится с приходом новых времен и формированием других условий. Теория войны, не предусматривающая этого и не включающая все, что было ранее, и не теория вовсе. Если теория войны призвана использоваться в практических целях, она должна охватывать и объяснять не только высшее проявление враждебности, которому Клаузевиц лично был свидетелем, но также каждое проявление, случившееся ранее или которое может произойти в будущем.

Обдумывая основные причины колебаний в энергии и интенсивности враждебных отношений, Клаузевиц нашел решение. Большой опыт штабной работы и длительное изучение внутренних течений войны подсказали ему, что война никогда не была вопросом, исключительно нацеленным на высшую степень возможного боевого плана. Проявленная энергия всегда корректируется политическими соображениями и глубиной национальных интересов в цели войны. Он видел, что реальная война была в действительности международной связью, которая отличалась от других международных отношений только методом, принятым для достижения политической цели. Так он пришел к своей знаменитой теории, гласящей: война есть продолжение политики другими средствами.

На первый взгляд в ней нет ничего особенного. Но только на основе такой простой и даже очевидной формулы может быть построена грамотная научная система. Нам стоит только детально рассмотреть ее значение, чтобы увидеть, какие важные практические советы можно из нее почерпнуть.

Вооружившись концепцией войны как продолжения политических взаимоотношений, мы понимаем, что все, лежащее вне политической концепции, то есть все, свойственное строго военным и военно-морским операциям, принадлежит к средствам, которыми мы пользуемся для достижения политической цели. Следовательно, первая составляющая военного плана заключается в том, что используемые средства должны как можно меньше противоречить политическим предпосылкам войны. Конечно, на практике, как и в человеческих взаимоотношениях, будет достигнут компромисс между средствами и целью, между политическими и военными крайностями. Но Клаузевиц считал, что политика всегда должна занимать главенствующее положение. Офицер, который ответственен за ведение войны, может, конечно, потребовать, чтобы политические тенденции и взгляды не оказывали значительного влияния на военные средства, находящиеся в его распоряжении. Но, хотя такое требование может в отдельных случаях довольно сильно воздействовать на политику, военные дей-

ствия всегда должны рассматриваться только как выражение этой политики. Они не должны ее опережать. Политика – цель, а война – средство, с помощью которого мы этой цели достигаем, и средства всегда должны быть неразрывно связаны с целью.

Практическая важность этой концепции теперь будет яснее. Она позволяет на конкретном примере показать, с чего начать. Когда начальнику штаба поручают подготовить военный план, он не должен отвечать, что мы будем воевать так-то и так-то, потому что это метод Наполеона или Мольтке. Он должен выяснить, каковы политические условия и цель войны и как много поставленный на карту вопрос значит для нас и для наших противников. Именно эти соображения определяют характер войны. Урегулировав этот основной вопрос, он сможет определить, будет ли война того же характера, при котором методы Наполеона и Мольтке являются успешными, или она имеет другой характер, и упомянутые выше методы для нее неприемлемы. Далее он разработает и предложит военный план, и не такой, на котором будет стоять клеймо того или иного великого полководца, а тот, который будет соответствовать предстоящей войне. Предполагать, что один метод ведения войны будет соответствовать всем видам войн, значит пасть жертвой абстрактной теории, а не стать пророком реальности, какими видят себя самые ярые приверженцы наполеоновской школы.

Следовательно, утверждает Клаузевиц, самое первое, величайшее и критическое решение, благодаря которому должны прийти к соглашению государственный деятель и генерал, – это определение характера войны. Они должны быть уверены, что не принимают его ошибочно за другой, не пытаются сделать из него то, чем он в силу своих свойств быть не может. «Это, – заявляет Клаузевиц, – первый из всех стратегических вопросов, имеющий самые далеко идущие последствия».

Таким образом, его военная теория является ценной, прежде всего, потому, что дает четкое направление, по которому мы можем двигаться, чтобы определить характер предстоящей войны, и убедиться, что не пытаемся навязать конкретному характеру войны специфический характер операций только потому, что они оказались весьма успешными в войне совершенно иного плана. Только рассматривая войну как независимое явление и одновременно политический инструмент, можно извлечь пользу из уроков истории и понять, каковы отличия войн в соответствии с характером мотивов и обстоятельств, в связи с которыми они возникли. Эта концепция, говорит Клаузевиц, является первым лучом света, призванным привести нас к истинной теории войны и, таким образом, помочь нам классифицировать войны и научиться различать их.

Жомини⁴, его великий современник и соперник, использовал менее философский, но не менее четкий метод и полностью поддержал эту точку зрения. Будучи шведским солдатом удачи, он получил почти такой же опыт, как и Клаузевиц. Опыт был получен, главным образом, в штабе маршала Нея и на русской службе. Он не создал фундаментальную теорию войны, однако его основные выводы были теми же. Первая глава его завершающего труда была посвящена «политике войны». В ней он разделил войны на девять категорий согласно их политическим целям. Основным моментом он посчитал то, «что разные виды войн будут иметь большее или меньшее влияние на характер операций, которые потребуются провести, чтобы достичь поставленной цели, на силы, которые придется применить, и на соглашения, в которых мы будем участвовать». Далее он добавил, что будет существовать большая разница в операциях, в зависимости от риска, на который придется пойти.

Оба автора, хотя они зачастую придерживались противоположных взглядов на используемые средства, были согласны с тем, что фундаментальная концепция войны является политической. Они, конечно, были согласны с тем, что, если мы мысленно изолируем силы, занятые на любом театре военных действий, снова появляется абстрактная концепция

⁴ Жомини Генрих (1779–1869) – французский и русский военный писатель, военный деятель.

войны. Если речь идет об этих силах, война – вопрос борьбы, в которой каждая воюющая сторона должна стараться всеми имеющимися в ее распоряжении средствами уничтожить другую. Но даже при этом они могут обнаружить, что некоторые средства остаются для них недоступными по политическим соображениям и в любой момент военная удача или развитие политических событий, с которыми связана война, может отбросить их к фундаментальной политической теории.

Давайте пока остановимся на концепции войны как проявлении насилия для достижения политической цели. Из этой широкой и простой формулы следует, что войны будут разными – в зависимости от характера цели и величины желания ее достичь. Теперь можно перейти к анализу практических рассуждений, являющихся ее непосредственным результатом.

Глава 2

ХАРАКТЕР ВОЙН – ВОЙНЫ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ И НАСТУПАТЕЛЬНЫЕ

Установив, что войны должны отличаться по характеру, в соответствии с природой и важностью их цели, мы оказываемся перед лицом другой проблемы: вариаций может быть бесчисленное множество, причем с самыми разными отличительными признаками. Градация настолько сложна, что на первый взгляд не представляется возможным сделать ее базой практического исследования. Но при более детальном изучении становится ясно, что, применяя обычные аналитические методы, предмет исследования можно значительно упростить. Короче говоря, мы должны разработать некую систему классификации, то есть посмотреть, нельзя ли сгруппировать разные варианты в отдельные хорошо известные категории. Учитывая сложность и неосвязаемость предмета исследования, группировка наверняка получится спорной, да и границы между отдельными группами иногда будут размыты. Но если классификация оказалась возможной и полезной в зоологии и ботанике, где приходится иметь дело с огромным числом незначительных изменений, значит, она вполне реальна и полезна в исследовании войн.

Политическая теория войны, в любом случае, даст нам две обширные и четко обозначенные классификационные группы. Такая группировка проста и хорошо известна. Она производится в зависимости от того, каков характер политической цели войны: позитивный или негативный. Если она позитивна, иначе говоря, если наша цель – отвоевать что-то у врага, тогда наша война будет наступательной, если же мы просто не хотим позволить противнику отвоевать некие преимущества в ущерб нам, тогда война будет оборонительной.

Такая классификация имеет ценность только в глобальном смысле. Она определяет общее направление наших операций, но никак не затрагивает их характер, во всяком случае, в отношении морской державы дела обстоят именно так. Ведь для такой страны ни при каких обстоятельствах невозможно организовать ни оборону, ни наступление, не установив эффективный контроль над морем при посредстве агрессивных действий в отношении вражеского флота. Более того, всегда оказывалось, что, даже если наша цель – только оборона, самые эффективные средства ее осуществления – контрнаступления за морем, либо для оказания прямой поддержки союзникам, либо для лишения противника колониальных владений. Таким образом, ни одна категория не исключает ни наступательные операции, ни идею нанести противнику поражение, чтобы вплотную приблизиться к достижению своей цели. Ни в одном случае концепция не ведет нас в конечном счете к иной цели, помимо вражеских вооруженных сил, и в особенности военно-морских. Единственная существенная разница заключается в том, что, если наша цель позитивна, генеральный план будет наступательным, и мы, по крайней мере, начнем с масштабного наступления. Если же наша цель является негативной, генеральный план будет иметь предупредительный характер, и мы можем выжидать время для контрнаступлений. В этом смысле наши действия всегда должны иметь тенденцию к наступлению. Контрнаступление – душа обороны. Оборона – это вовсе не пассивное действие, поскольку она есть отрицание войны. Если вдуматься, это настороженное ожидание. Мы ждем момента, когда противник может подставиться под контрудар, успех которого ослабит его настолько, что мы окажемся в выигрышном положении для начала собственного наступления.

Рассуждая таким образом, можно прийти к выводу, что, хотя классификация соответствует действительности и вполне логична, давать названия «оборонительные» и «наступательные» нежелательно со всех точек зрения. Для начала, неясно, каковы действительные и

логичные отличительные признаки. Классификация предполагает, что ее основой является не столько разница в целях, сколько разница в средствах, используемых для достижения цели. Следовательно, мы окажемся перед необходимостью постоянно бороться с ложным предположением, что позитивная война означает использование наступлений, а негативная – одну только оборону.

Это не может не ввести в заблуждение. Но второе возражение против такого обозначения значительно серьезнее, поскольку следствием является множество ошибок. Дело в том, что классификация «оборонительные» и «наступательные» подразумевает, что оборона и наступление – взаимоисключающие идеи, в то время как истина заключается в том, что они дополняют друг друга. Каждая форма войны является одновременно оборонительной и наступательной. И не важно, насколько ясна наша позитивная цель или как высок наш наступательный дух, – мы не можем развить агрессивную стратегическую линию без поддержки оборонительной почти на всех главных направлениях. В отношении тактики дела обстоят так же. Даже самый убежденный сторонник наступления признает необходимость наличия в своем арсенале и винтовки, и лопаты. Когда же дело доходит до живой силы и материалов, мы знаем, что без определенной степени защиты ни корабли, ни орудия, ни люди не смогут сосредоточить все свои силы на нанесении удара. В действительности нет безоговорочного выбора между атакой и обороной. В агрессивных операциях всегда стоит вопрос, насколько далеко в применяемые нами методы должна проникнуть оборона, чтобы позволить нам максимально использовать имеющиеся ресурсы, чтобы парализовать силы противника. То же самое и в обороне. Даже ее классическое использование предполагает дополнение наступлением. Находясь внутри крепости, люди знают, что рано или поздно она падет, если только контратака на осадившие крепость отряды или пути подвоза противника не снизит мощь атаки.

Поэтому лучше отказаться от обозначений «оборонительные» и «наступательные», заменив их терминами «позитивные» и «негативные». Но тогда мы вновь сталкиваемся с трудностью. Было много войн, в которых позитивные методы использовались для достижения негативной цели, а такие войны невозможно отнести ни к одному классу. Например, в Войне за испанское наследство нашей главной целью было не позволить Средиземноморью стать французским озером, благодаря союзу французской и испанской корон. Но метод, которым мы воспользовались для достижения этой цели, заключался в захвате военно-морских позиций Гибралтара и Менорки, так что на практике наш метод оказался позитивным. Также во время Русско-японской войны главная цель Японии заключалась в том, чтобы не допустить захвата Кореи Россией. Цель была превентивная и негативная. Но единственный эффективный способ ее достижения заключался в захвате Кореи Японией, и потому для корейцев война на практике была позитивной.

С другой стороны, нельзя закрывать глаза на то, что в большинстве войн сторона с позитивной целью действовала в основном в наступлении, а противоположная сторона – в обороне. И хотя различие представляется непрактичным, его невозможно игнорировать, не поинтересовавшись, почему было именно так, и в этом вопросе будут обнаружены практические результаты классификации – она вынуждает нас анализировать сравнительные преимущества наступления и обороны. Ясное понимание их относительных возможностей – краеугольный камень стратегической науки.

Итак, преимущества наступления очевидны и признаны. Только оно может дать положительные результаты, а мощь и энергия, порожденные возбуждением атаки, имеют огромное практическое значение, которое берет верх над всеми другими соображениями. Каждый человек, понимающий важность духовного начала, захочет использовать наступление, независимо от того, является его цель позитивной или негативной. И тем не менее было немало случаев, когда даже самые энергичные полководцы выбирали оборону, и их выбор оказы-

вался верным. Они прибегали к ней, когда уступали противнику в живой силе, и верили, что никакой агрессивный дух не сможет компенсировать недостаток сил.

Очевидно, при всех недостатках обороны как интенсивной формы военных действий, она должна иметь какие-то преимущества, которые отсутствуют у наступления. В войне мы используем все методы, для которых у нас имеется достаточно сил. Если же мы применяем менее желательный оборонительный метод, значит, у нас или не хватает сил для наступления, или оборона дает нам некие специфические преимущества для достижения своей цели.

Каковы же элементы силы? Таким вопросом необходимо задаться не только для того, чтобы знать, что, если мы вынуждены временно перейти к обороне, это не значит, что все потеряно, но также и для того, чтобы иметь возможность оценить, насколько решительно мы должны действовать в наступлении, чтобы не позволить врагу получить преимущества обороны.

Можно считать общим принципом то, что обладание есть девять десятых успеха. Проще удержать деньги в своем кармане, чем отнять их у другого человека. Если один человек собирается ограбить другого, он должен быть сильнее или лучше вооружен, если, конечно, не намерен прибегнуть к хитрости или ловкости, и здесь мы видим одно из преимуществ наступления. Сторона, берущая в свои руки инициативу, обычно имеет больше шансов закрепить преимущества ловкости или хитрости. Однако это не всегда так. Если на суше или на море мы имеем возможность занять настолько хорошую оборонительную позицию, что ее невозможно обойти, и противнику, чтобы достичь цели, придется идти на прорыв, тогда преимущества ловкости и хитрости переходят к нам. Мы выбираем устраивающую нас территорию для поединка и будем находиться в знакомом месте, а противник – нет. Мы можем создавать ловушки и подготавливать внезапные контратаки, когда противник находится в самом опасном положении. Отсюда и парадоксальная доктрина: там, где оборона крепка и надежна, преимущество внезапности оборачивается против атаки.

Можно доказать, что, какими бы преимуществами ни обладала оборона, они зависят от сохранения наступательного духа. Его суть в контратаке – терпеливом ожидании возможности нанести удар, а не в праздном бездействии. Оборона – это условие ограниченной активности, а не отдыха. Ее главная слабость заключается в том, что, если она затягивается, наступательный дух умирает. Эта истина настолько важна, что некоторые авторитеты, всячески стремясь ее подчеркнуть, переделали ее во вводящую в заблуждение максиму: «Лучшая защита – это нападение». Отсюда и дилетантское мнение о том, что оборона всегда глупа или малодушна, может привести только к поражению и что истинно военный дух возникает только в наступлении. Ничто не может быть дальше от учений и практического опыта великих мастеров военного дела. Как Веллингтон в Торрес-Ведрас⁵, все они периодически использовали оборону до тех пор, пока элементы силы, присущие этой форме войны, в отличие от изматывающего напряжения формы, навязанной ими своим противникам, не поднимали их до положения, в котором они оказывались достаточно сильными, чтобы воспользоваться более изнуряющей формой.

Путаница в мыслях, которая привела нас к неправильному пониманию обороны как метода ведения войны, вызвана несколькими очевидными причинами. Контратака с точки зрения общей оборонительной позиции рассматривалась как истинное наступление – например, в известных операциях Фридриха Великого или в операциях Англии против испанской армады. Аналогичный пример – блестящий контрудар адмирала Тегетоффа в Лиссе. Кроме того, оборона приобрела дурную славу, поскольку ее путают с необоснованно сдерживае-

⁵ Торрес-Ведрас – город в Португалии в 40 км от Лиссабона. В 1810 году во время англо-португальской войны Веллингтон построил там укрепленный лагерь, оказавшийся непреодолимым препятствием для войска французского маршала Массена.

мым наступлением, когда превосходящей силе с позитивной целью не хватает духа, чтобы использовать свое материальное превосходство с достаточной активностью и настойчивостью. Выступая против этого, более слабый противник всегда может возместить нехватку живой силы и техники, перейдя в быстрое и решительное наступление, тем самым получив импульс – и моральный, и физический, – который с лихвой компенсирует недостающее. Оборона также оказывается слабой, если выбрана неудачная позиция, которую противник может обойти. Оборонительная позиция – это вообще ничто, ее элементы силы полностью исчезают, если только она не организована так, что противник должен сломить ее силой, чтобы добиться своей цели. Она еще чаще оказывается неудачной, когда применяющая ее воюющая сторона, обнаружив, что не может найти позицию, которая преграждала бы противнику продвижение вперед, пытается выставить заслон на всех возможных линиях атаки. В результате силы этой стороны истощаются, и она лишь подчеркивает свою слабость.

Все сказанное выше отразилось в сухопутной войне, однако на море это не так очевидно. Мне возразят, что на море не может быть обороны. Как правило, это действительно так, если речь идет о тактике, да и то не всегда. Оборонительные тактические позиции в море возможны, как и на защищенных якорных стоянках. Так было всегда, а появление мин расширило их возможности. Если говорить о последних событиях войны на море, можно упомянуть о японцах, соорудивших на островах Элиота внушительную оборонительную позицию, чтобы закрыть высадку их 2-й армии на полуостров Ляодун. С точки зрения стратегии утверждение совершенно неверно. Стратегическая оборона всегда существовала и на суше, и на море, и прорвать ее всегда было сложнейшей проблемой. Обычно стратегическая оборонительная позиция означала, что противник остается в своих водах и вблизи своих баз, где для нас почти невозможно его атаковать и рассчитывать на впечатляющий результат. Оттуда он постоянно грозит контратаками в момент наивысшего истощения наших сил. Пример – поведение голландцев в Солебее⁶. Тот факт, что противнику, выбравшему такой курс, чрезвычайно сложно нанести решающий удар, британцы поняли очень рано. С тех пор одним из основных их занятий стало создание помех противнику в том, чтобы занять подобную позицию и принудить к бою в открытом море или, по крайней мере, вклиниться между ним и базами и заставить действовать в таком положении.

Возможно, самый показательный пример преимуществ, полученных в соответствующих условиях от стратегической обороны, дала Русско-японская война. В завершающих сражениях японский флот сумел воспользоваться преимуществами стратегической обороны в собственных водах, которую русскому балтийскому флоту пришлось прорывать, чтобы достичь своей цели. Результатом стала самая значительная победа из всех известных в истории войн на море.

Устрашающая сила умелых и активных операций с такой позиции всегда была хорошо известна. Подобный механизм неоднократно использовался и в территориальных водах Англии, чтобы не позволить флоту, который в это время не было возможности уничтожить, выполнить работу, ради которой он явился к американским берегам.

Типичная позиция такого рода находилась в районе архипелага Силли⁷. Но суть механизма – сохранение агрессивного духа в его самой дерзкой форме. Успех в немалой степени зависит от воли и желания использовать любую возможность для смелых и решительных контрударов, таких, какие наносил Дрейк по испанской армаде.

Морская блокада, призванная отвлечь внимание превосходящего флота противника, – другая форма обороны, но почти всегда гибельная. На короткое время она может принести пользу, позволив начать наступательные операции где-то в другом месте, которые иначе

⁶ Солебейское сражение 1672 года – первое сражение 3-й англо-голландской войны.

⁷ Архипелаг Силли – острова на юго-западе Англии.

были бы невозможны. Но, затянувшись, она рано или поздно уничтожит дух ваших вооруженных сил и сделает их неспособными к эффективной агрессии.

Можно сделать следующий вывод: хотя для практической цели составления или оценки планов военных действий классификация войн на оборонительные и наступательные почти бесполезна, ясное понимание неотъемлемых свойств наступления и обороны чрезвычайно важно. Следует понимать, что в некоторых случаях, при условии, что нам удастся сохранить агрессивный боевой дух, оборона помогает более слабой стороне достичь результатов, в то время как наступление в аналогичных условиях может привести к их полному уничтожению. Но основы силы целиком зависят от воли и прозорливости командиров, способных наносить быстрые и решительные удары по врагу в моменты его максимальной незащищенности. Как только оборону перестают рассматривать как средство накопления сил для удара и уменьшения атакующей мощи противника, она теряет всю свою силу. Она перестает быть даже временно приостановленной деятельностью, а все, что не является деятельностью, не является и войной.

Обозначив сравнительные преимущества наступления и обороны, мы можем двигаться дальше. Конечно, можно подробно описать преимущества и недостатки каждой формы, но любые подобные заявления, не подкрепленные конкретными примерами, объясняющими их значение, обязательно покажутся противоречивыми и приведут к путанице. Лучше отложить их полное рассмотрение до тех пор, пока мы не займемся стратегическими операциями и сможем заметить их действительное влияние на ведение войны в ее разных формах. Итак, на время оставив нашу первую классификацию войн на оборонительные и наступательные, мы переходим ко второй, имеющей большое практическое значение.

Глава 3

ХАРАКТЕР ВОЙН – ВОЙНЫ ОГРАНИЧЕННЫЕ И НЕОГРАНИЧЕННЫЕ

Вторая классификация, к которой нас привела политическая теория войны, была впервые сформулирована Клаузевицем, и ей он придавал исключительно большое значение. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть его взгляды несколько подробнее, но вовсе не потому, что есть необходимость рассматривать континентального солдата, каким бы он ни был заслуженным, как непререкаемый авторитет для моряков. Причина как раз в обратном. Именно скрупулезный анализ его идей на этот счет покажет нам, какая огромная, затрагивающая самую суть разница между немецкой или континентальной школой стратегии и британской или морской школой. Кстати, последнюю многие авторы считали несуществующей. Полезно лишний раз подчеркнуть вред этого утверждения, и главной целью настоящей и последующих глав будет отражение того, как и когда даже величайшие континентальные стратеги оказывались неспособными понять характерные концепции, являющиеся традиционными для британцев.

В классификации, о которой идет речь, Клаузевиц разделял войны на ограниченные и неограниченные. При ее формулировке он учел не только материальную природу цели, но и определенные моральные соображения, на значение которых в войне он указал первым. Другие авторы, такие как Жомини, пытались классифицировать войны по специфическим целям, во имя которых они велись, но Клаузевиц, посвятив много времени вдумчивому изучению войн, пришел к выводу, что такое разделение не является философским и не связано ни с одной рациональной военной теорией. Было очень важно, является ли война позитивной или негативной, но ее специфическая цель, например «отстоять права», «помочь союзникам» или «отвоевать территорию», не имела никакого значения.

Какой бы ни была цель, жизненно важным вопросом является интенсивность, с которой дух нации сконцентрировался для ее достижения. При составлении военного плана очень важно правильно определить, что цель войны значит для воюющих сторон, какие жертвы они готовы принести ради нее и на какой риск готовы пойти. Клаузевиц утверждал следующее: «Чем меньше жертв мы требуем от нашего противника, тем, предположительно, меньше средств сопротивления он будет использовать. Чем меньше средств использует противник, тем меньше средств потребуется нам. Аналогично, чем меньше масштаб у нашей политической цели, тем меньше ее ценность для нас и тем легче нам от нее отказаться». Так политическая цель войны, ее первоначальный мотив не только определит для обеих воюющих сторон мишень для сил, которые они намерены использовать, но также станет критерием интенсивности прилагаемых усилий. В заключение Клаузевиц утверждает, что могут существовать войны самых разных степеней важности и затрачиваемой энергии, от войны на уничтожение до использования отрядов наблюдателей. Также и в военно-морской области может завязаться борьба не на жизнь, а на смерть за господство на море, или противостояние, не выходящее за пределы блокады.

Такое рассмотрение проблемы было, конечно, существенным отступлением от теории «абсолютной войны», над которой начал работать Клаузевиц. Согласно этой теории «абсолютная война» была идеальной формой, которой должны достичь все войны, а те, которые ей не соответствуют, являются несовершенными – им недостает истинно военного духа. Но, осознав, что в реальной жизни моральный фактор всегда перевешивает чисто военный, Клаузевиц четко увидел, что основывает свои построения на чисто теоретической базе, не принимающей в расчет человеческий фактор. Он понял, что неверно принимать за основу

стратегической системы идею о том, что существует одна модель, которой должны соответствовать все войны. В свете своей итоговой оценки человеческого фактора он определил, что войны подразделяются на две четко обозначенные категории, к каждой из которых следует подходить по-разному, не обязательно с позиций «абсолютной войны».

Клаузевиц понимал, что существовал один класс войн, в которых политическая цель была настолько важна для обеих воюющих сторон, что во имя нее они шли на все. Но есть и другая группа войн, где цель менее важна, иначе говоря, ее ценность для одной или обеих воюющих сторон не настолько значительна, чтобы тратить ради нее большие средства и проливать кровь. Войны, попадающие в эти классы, он назвал «неограниченными» и «ограниченными». При этом Клаузевиц имел в виду не то, что силы воюющих сторон не будут тратить максимум энергии, а то, что может существовать граница, переходить которую нет никакого смысла. Речь идет о некоей точке, достигнув которой, задолго до того как силы сторон будут полностью истощены, разумнее отказаться от цели, чем продолжать тратить на ее достижение энергию, время и деньги.

Необходимо очень четко эту разницу видеть – из-за ее поверхностного сходства с той разницей, о которой уже упоминалось, – на нее Клаузевиц указал в начале своего труда. Речь идет о различии между тем, что он назвал характером современной войны, и характером войн, предшествовавших Наполеоновской эпохе. Нельзя забывать, утверждал он, что войны его времени были войнами между вооружившимися нациями с тенденцией направить весь народ на линию огня, в то время как в XVII и XVIII веках войны велись регулярными армиями, а не всем народом. Разница вполне реальна и предполагает далеко идущие последствия, но не имеет никакого отношения к разнице между ограниченной и неограниченной войной. Война может вестись по наполеоновской системе ради ограниченной или неограниченной цели.

Внести ясность поможет современный пример. Русско-японская война была развязана ради ограниченной цели – утверждения прав на территорию, которая не являлась собственностью ни одной из воюющих сторон. Военное противостояние велось по современным канонам двумя вооруженными нациями, а не только регулярными армиями. Но для одной воюющей стороны цель была настолько ограниченной, что это заставило ее отказаться от продолжения войны задолго до того, как ее силы окончательно истощились. Расходы средств и людских ресурсов оказались столь велики, что игра, как говорится, не стоила свеч.

Различие между ограниченной и неограниченной войной Клаузевиц считал чрезвычайно важным, имеющим большее значение, чем ранее установленное им различие между негативным и позитивным характером цели. Ему потребовалось много времени, чтобы прийти к пониманию этого. Его величайший труд «О войне» почти целиком основан на концепции обороны или наступления в применении к наполеоновской идеальной или абсолютной войне. Новая идея пришла к нему уже в конце, когда он достиг зрелости, всю свою жизнь изучая войны. Она возникла в процессе его попыток применить свои стратегические построения к практике разработки военного плана перед лицом угрозы со стороны Франции. Клаузевиц начал ее рассматривать только в заключительной части «О военных планах». К этому времени он уже оценил первый практический результат, к которому вела его теория. Ему стало ясно, что различие между ограниченной и неограниченной войной подразумевало значительную разницу в методах ее ведения. Когда цель неограниченна и, следовательно, потребует от противника использования всей его военной мощи, очевидно, исход борьбы возможен только после окончательного разгрома задействованных противником сил. Если нет обоснованной надежды это сделать, добиваться цели силой было бы ошибочной политикой, иными словами, ввязываться в войну не следует. В случае же ограниченной цели нет необходимости в полном уничтожении вооруженных сил противника. Своей цели можно достичь, захватив ее, и, воспользовавшись элементами силы, заключенными в

обороне, создать такую ситуацию, когда противнику слишком дорого обойдется борьба за цель, которая того не стоит.

Именно в этом и заключается большая разница между фундаментальными постулатами военного плана. В случае неограниченной войны главное стратегическое наступление должно быть направлено против вооруженных сил противника; в случае ограниченной войны, даже если цель позитивна, в этом нет необходимости. Если условия благоприятны, достаточно будет сделать сам объект стремления военной целью главного стратегического наступления. Понятно, что таким образом Клаузевиц пришел к теоретическому различию, которое модифицировало всю его стратегическую концепцию. Вполне логично, что больше не существовало одного вида войны – абсолютной – и одной истинной цели – вооруженных сил противника. Эта глубокая научная теория сразу подтвердила свое большое практическое значение, поскольку продемонстрировала различие, из которого должна исходить фактическая работа по составлению военного плана.

Подтверждением глубины и надежности этих взглядов является тот факт, что Жомини пришел к почти идентичным выводам независимо от Клаузевица и следуя совсем другим путем. Его метод был абсолютно конкретным и основывался на сравнении фактов, полученных путем наблюдений, но привел его так же уверенно, как абстрактный метод его соперника, к выводу о двух разных классах цели. «Всего целей две, и они различны, – писал он. – Одну можно назвать территориальной или географической... другая, в противоположность первой, заключается единственно в уничтожении или дезорганизации вражеских сил, при этом территориальные вопросы роли не играют». В первой категории своей первой главной классификации «о наступательных войнах для установления прав» он рассматривает то, что Клаузевиц назвал «ограниченными войнами». Приводя в качестве примера войну Фридриха Великого за Силезию, Жомини утверждает: «В такой войне... наступательные операции должны быть пропорциональны имеющейся в виду цели. Первая акция, естественно, – это захват территорий, о которых идет речь» (заметьте, что это вовсе не прямой удар по главным силам противника). «Затем, – говорит он, – можно продолжать наступление, в зависимости от обстоятельств и имеющихся сил, чтобы получить желаемую территориальную уступку, угрожая врагу на его земле». В этом, по сути, заключается и доктрина «ограниченной войны» Клаузевица: сначала – территориальная стадия, во время которой осуществляется попытка захватить географический объект, затем – стадия принуждения, в процессе которой оказывается общее давление на противника, имеющее целью заставить его принять навязанную вами неблагоприятную ситуацию.

Очевидно, что такой способ ведения войны в корне отличается от применяемого Наполеоном, и это нам наглядно продемонстрировали Клаузевиц и Жомини, два апостола наполеоновского метода. Дело в том, что оба корифея видели и знали слишком много, чтобы не понимать: наполеоновский метод применим только при наличии явного физического или морального превосходства. Рассматривая такую ситуацию, оба настаивали на использовании экстремальных средств в наполеоновской манере. Нельзя сказать, что они рекомендовали именно высший путь, предпочитая его низшему. Будучи ветеранами-штабистами, а не чистыми теоретиками, и Клаузевиц, и Жомини понимали, что воюющая сторона иногда должна находить высший путь, находящийся за пределами ее сил или за пределами усилий, на которые готова нация для достижения цели. А поскольку оба были практиками, они тщательно изучали потенциальные возможности низшего пути, на случай если превратности войны заставят по нему следовать. Они обнаружили, что эти потенциальные возможности при определенных обстоятельствах весьма велики. В качестве случая, когда более низкая форма оказалась самой подходящей, Жомини привел наполеоновскую кампанию 1812 года против России. По его мнению, Наполеону следовало начать с малого, с ограниченной территориальной цели. Неудачу французского императора он объясняет неправильным исполь-

зованием метода, который между тем был вполне уместен в его войнах против Германии, однако не смог достичь положительного результата в российских условиях.

Зная, как высоко было мнение Наполеона о Жомини, которого он считал непревзойденным мастером военной науки, важно упомянуть, что его взгляды на два характера войны игнорировались современниками. Еще более любопытен факт, что практически то же самое было и с Клаузевицем, считавшим, что эта классификация является ключевой. Это может объясняться тем, что различие не очень четко сформулировано в его первых семи книгах – а только они были оставлены автором в более или менее законченном состоянии. Только в своей восьмой книге «О военных планах» он, наконец, отметил чрезвычайную важность различия, к которому так долго шел. В ней Клаузевиц дал очень четкую формулировку, правда, сама книга, к сожалению, так и не была завершена. Однако вместе с рукописью он оставил «замечания», в которых предостерег от рассмотрения своих более ранних книг, поскольку он полностью выражал развивающиеся идеи. Из этих замечаний также ясно, что Клаузевиц считал предложенную классификацию чрезвычайно важной, верил, что она поможет справиться со всеми трудностями, которые встречались в предшествующих работах. Они, по его мнению, были вызваны исключительной приверженностью к наполеоновскому методу ведения войны. «Я рассматриваю первые шесть книг, – писал он в 1827 году, – как сбор материала, еще неоформленного и требующего повторного рассмотрения. В процессе пересмотра два вида войн будут выделены более четко, и все остальные идеи обретут ясность, точность и определенность в применении». Очевидно, автор был неудовлетворен теорией абсолютной войны, с которой начал. Новое открытие убедило его, что теория не сможет служить стандартом для всех характеров войн. «Будем ли мы, – писал он в 1827 году в восьмой книге труда „О войне“, – удовлетворены этой идеей, чтобы применять ее ко всем войнам, как бы сильно они ни различались?» На свой вопрос Клаузевиц в той же книге ответил отрицательно. «Вы не можете определить требования всех войн, основываясь на наполеоновском типе. Принимайте к сведению этот тип и его абсолютный метод, чтобы использовать его, *когда сможете* или *когда будете должны*, но всегда помните, что существует два характера войн».

В записях того времени Клаузевиц впервые осмыслил упомянутое выше различие и определил два характера войны следующим образом: «Во-первых, те, в которых цель – *поражение врага*, независимо от того, стремимся ли мы добиться его политической гибели или хотим только разоружить и вынудить заключить мир на наших условиях. Во-вторых, те, в которых наша цель – просто осуществить некоторые завоевания на границах своей страны, или сохранить их для себя, или превратить их в предмет торговли при обсуждении условий мира». В восьмой книге он намеревался тщательно разработать всеобъемлющую идею, которую сумел постичь. Об этой книге Клаузевиц говорил: «Ее основная цель – доказать две указанные выше точки зрения, с помощью которых все будет упрощено и в то же время получит дыхание жизни. Этой книгой я хочу внести ясность в суждения стратегов и государственных деятелей, и, по крайней мере, показать, какова цель действия, и обозначить главные вопросы, которые должны рассматриваться в войне».

Этот замысел так никогда и не был реализован. Возможно, именно поэтому прозорливый анализ Клаузевица многими игнорировался. Восьмая книга дошла до нас в фрагментарном виде. Весной 1830 года, в тревожный момент, когда Пруссия собирала все силы для еще одного самостоятельного сражения с Францией, Клаузевиц был призван на службу. Оставленные им части книги «Военные планы» он называл «грубо расчищенной дорогой сквозь массу с целью обратить особое внимание на величайший момент». Он говорил, что намерен «привнести дух этих идей в первые шесть книг» и увенчать свой труд, скрупулезно разработав и конкретизировав прозорливые положения о том, что война есть форма политики и что, являясь таковой, она может быть ограниченной и неограниченной.

Степень, в которой ему удалось внедрить свою новую идею в умы людей, каждый волен оценить для себя; но сам факт сомнению не подвергается. Зимой, принимая во внимание угрозу со стороны Франции в отношении Бельгии, Клаузевиц составил военный план, основанный не на наполеоновском методе, в котором главной стратегической целью являются вооруженные силы противника, а на захвате ограниченного территориального объекта и навязывании Франции невыгодного контрнаступления. Революционное движение в Европе разрушило Священный союз. Пруссия не только оказалась практически в одиночестве против Франции, но и сама была измотана революцией. Принять высшую форму войны и попытаться уничтожить вооруженные силы противника она не могла. Но в ее силах было использовать более низкую форму войны и, захватив Бельгию, принудить Францию к такой изматывающей борьбе, что успех был вполне реален. Точно такой же была попытка начать Семилетнюю войну. Аналогичный метод помог японцам достичь успеха в войне с Россией. Но что самое поразительное, подобным образом при схожих обстоятельствах Мольтке в 1850 году составил свой первый военный план, направленный против Франции. Он придерживался взглядов, которые, как полагал Жомини, должны были быть наполеоновскими в 1812 году. План предусматривал не нанесение прямого удара по Парижу или главным силам французской армии, а оккупацию Эльзаса – Лотарингии и удержание этой территории до тех пор, пока изменившиеся условия не дадут ему необходимое превосходство для перехода к более высокой форме войны или навязывания выгодного мира.

В завершение следует отметить, что созревшим плодом наполеоновского периода являлась теория войны, основанная не на единичной абсолютной идее, а на двойственном различии ограниченной и неограниченной войны. Какую бы практическую важность мы ни придавали этому различию, невозможно не признать ясные и выразительные утверждения Клаузевица и Жомини. А практическая важность – это уже следующий вопрос. Можно справедливо возразить, что в континентальной войне, несмотря на примеры, приведенные обоими классическими авторами, она не слишком велика. Но следует помнить, что континентальная война – не единственная форма войны, в которой решаются международные вопросы. Ознакомившись с последним вопросом, которого достигли Клаузевиц и Жомини, мы в действительности находимся только на пороге открытия. Нам придется начать с того места, где они остановились, и понять, насколько сильны их идеи в современных условиях мировых имперских государств, для которых море стало непосредственным и жизненно важным фактором.

Глава 4

ОГРАНИЧЕННАЯ ВОЙНА И МОРСКИЕ ИМПЕРИИ – РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ КЛАУЗЕВИЦА И ЖОМИНИ ОБ ОГРАНИЧЕННОЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛИ И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ИМПЕРИЙ

Уже упоминавшиеся немецкие военные планы, основанные соответственно на оккупации Бельгии и Эльзаса–Лотарингии, и замечания Жомини о губительной русской кампании Наполеона прекрасно иллюстрируют важную мысль, к которой пришли континентальные стратеги, следуя по пути, указанному Клаузевицем. Далее нам предстоит рассмотреть ее реализацию в современных имперских условиях, и прежде всего те случаи, в которых присутствует морской фактор. Мы увидим, насколько невелико продвижение вперед в сравнении с далеко идущими последствиями для морской и, главное, островной державы.

Ясно, что сам Клаузевиц никогда не осознавал всей значительности своей блестящей теории. Его взгляды ограничивались сухопутной составляющей, и ограничения континентальной войны, судя по всему, не позволяли в полной мере понять сформулированный им принцип. Проживи он достаточно долго, несомненно, сумел бы доработать теорию до ее логического завершения, но смерть прервала работу, и теория ограниченной войны осталась в зачаточном состоянии. Следует отметить, что на протяжении всей своей работы Клаузевиц говорил о войне между двумя граничащими между собой континентальными народами. Нетрудно догадаться, что в войне такого типа принцип ограниченной цели может редко, если может вообще, утвердиться в совершенной точности. Сам Клаузевиц изложил его абсолютно ясно. Рассматривая случай, когда «уничтожение врага», иными словами, не ограниченная война является непосильной задачей, он указывает, что при этом совершенно не обязательно переходить к обороне. Действия могут оставаться позитивными и наступательными, хотя целью будет не более чем «захват части вражеской территории». Клаузевиц знал, что такой захват может настолько ослабить позицию противника и укрепить свою, что позволит добиться выгодного мира. История знает множество подобных случаев. Кроме того, автор указывает, что такая форма войны чревата большими недостатками. После захвата имеющейся в виду части территории наступательные действия, как правило, приостанавливаются. Приходится переходить к обороне, и остановка наступления, как уже раньше указывалось, является пагубной, хотя бы только по причинам морального порядка. В дополнение к этому нередко оказывается, что после достижения территориальной цели ударная группа войск настолько далеко ушла от основных сил, оставшихся дома, что оказалась неспособной достойно встретить врага, если он будет в состоянии нанести ответный удар. Это и произошло в аустерлицкой кампании, где целью австрийцев было отделить Северную Италию от наполеоновской империи. Австрия нацелила свои главные силы под командованием эрцгерцога Карла на захват желаемой территории. Наполеон немедленно нанес удар по Вене, уничтожил оставшиеся дома войска и занял столицу раньше, чем эрцгерцог сумел преградить ему путь.

Вывод заключается в следующем: поскольку любая стратегическая атака оставляет собственные объекты незащищенными, необходимы какие-либо резервы для их обороны. Поэтому ясно, что, если целью является ограниченный территориальный объект, оборона потребует намного больше сил, чем если бы атака была направлена на главные силы противника. В неограниченной войне атака будет сама по себе защищать все необходимые объекты, вынуждая противника сосредоточить все свои силы для ее отражения. Поэтому Клаузевиц

отмечает: оправданна ограниченная форма или нет – зависит от географического положения цели.

Британский опыт и поныне подтверждает выводы Клаузевица. Но далее он утверждает, что чем ближе цель к своим границам, тем безопаснее эта форма войны, поскольку наступательные действия одновременно прикрывают свою страну. В качестве примера он приводит Фридриха Великого, начавшего Семилетнюю войну с оккупации Саксонии, что существенно укрепило оборону Пруссии. О действиях британцев в Канаде⁸ он не говорит ничего. Взгляды Клаузевица были сугубо сухопутными, и ему даже не пришло в голову проверить свою доктрину успешными действиями, когда послужившая целью территория была очень далеко от границ страны и наступление никак не прикрывало оставшиеся дома объекты. Сделав это, он непременно убедился бы, что случай с Канадой намного убедительнее в отношении ограниченной войны, чем случай с Саксонией. Более того, он сумел бы увидеть, что трудности, которые, несмотря на его веру в свое открытие, сопровождали попытки его применить, объясняются тем фактом, что выбранные им примеры вовсе таковыми не являются.

Когда Клаузевиц постиг эту идею, единственным видом ограниченных целей, которые он имел в виду, были, по его собственным словам, «завоевания на границах вражеской страны», такие как Силезия и Саксония для Фридриха Великого, Бельгия в его собственном военном плане и Эльзас – Лотарингия в плане Мольтке. Сейчас очевидно, что такие цели не являются действительно ограниченными, и тому есть две причины. Во-первых, такая территория обычно является органической частью вражеского государства, иначе говоря, настолько важна для него, что он захочет использовать неограниченные усилия, чтобы ее сохранить. Во-вторых, у противника не будет ни одного стратегического препятствия для использования всех своих сил, чтобы достичь этой цели. Для того чтобы полностью удовлетворить концепции ограниченной цели, необходимо одно из двух условий. Первое: она должна иметь не только ограниченную площадь, но и ограниченную политическую важность; второе: она должна быть стратегически изолирована или поддаваться практической изоляции посредством стратегических операций. Если это условие не выполняется, любая из воюющих сторон, и Клаузевиц сам это видел, в силах при желании перейти к неограниченной войне и, игнорируя территориальную цель, нанести удар в место сосредоточения сил противника и заставить его прекратить свою деятельность.

Кроме того, если мы будем рассматривать войну только между граничащими государствами, в которой целью является захват территории на одной из границ, мы не получим «родовой» разницы между ограниченной и неограниченной войной. Граница между ними в любом случае нестабильна и не способна придать классификации основательность. Собственно говоря, здесь вопрос в степени, а не в виде. Если, с другой стороны, мы будем рассматривать и войну между мировыми империями, разница сразу же станет органичной. Владения, лежащие за морями или в удаленных концах малозаселенных территорий, попадают в совершенно другую категорию, нежели ограниченные цели, рассматриваемые Клаузевицем. История показывает, что они никогда не обладают такой же политической важностью, как территории, являющиеся органичной частью европейской системы, и могут быть изолированы с помощью военно-морских операций, при создавшихся условиях для действительно ограниченной войны.

Жомини подошел к этой мысли, но четко ее не сформулировал. В главе «О великих вторжениях и дальних экспедициях» он указал, что далеко не безопасно применять условия войны между граничащими друг с другом государствами к тем случаям, когда воюющие стороны разделены большим пространством – сухопутным или морским. Он пребывал в нере-

⁸ Имеется в виду англо-американская война 1812–1814 годов, итогом которой стал отказ США от притязаний на территорию Канады.

шительности, рассматривая морской фактор, чувствовал, что он создает существенную разницу, но так и не сумел разобраться, какую именно. Его концепция взаимодействия флота и армий никогда не поднималась выше их фактического сотрудничества в пределах взаимной досягаемости на удаленном театре военных действий. Жомини имел в виду помощь, оказанную британским флотом Веллингтону на Пиренейском полуострове, и мечты Наполеона об азиатских завоеваниях, причем столь далекие экспедиции считались в то время невозможными, разве что в сотрудничестве с мощным флотом, который мог бы обеспечить для армии вторжения последовательные передовые базы. О значении изолирующих и превентивных функций флота он не упоминал.

Даже при рассмотрении заморских экспедиций, к которому он пришел в итоге, его понимание проблемы не стало четче. Интересно, что чисто континентальный взгляд так и не позволил ему правильно оценить проблему, и, посвятив более тридцати страниц перечислению заморских экспедиций, Жомини, как и Клаузевиц, даже не упомянул о завоевании Канады. Именно оно является основным примером того, как слабая военная держава добилась успеха, используя ограниченную форму войны, и навязала свою волю сильной державе, сумев действиями военно-морского флота обеспечить безопасность своей страны и изолировать территориальную цель.

Чтобы получить точное представление о действительно ограниченных целях, нам придется покинуть континентальные театры и перейти к смешанным или морским войнам. Следует рассмотреть такие случаи, как Канада и Гавана в Семилетней войне, Куба в испано-американской войне, когда с помощью военно-морских операций стала возможной полная изоляция цели. Необходимо также упомянуть о таких примерах, как Крым и Корея, где достаточная изоляция была достижима благодаря протяженности и сложности вражеских наземных коммуникаций, а также стратегической ситуации поставленной на карту территории.

Эти примеры также могут проиллюстрировать и выделить второй отличительный признак такой войны. Как уже было сказано, чтобы цель считалась действительно ограниченной, необходима сила не только для изоляции, но и для обеспечения обороны дома, способной поставить заслон неограниченному контрудару. Во всех упомянутых выше случаях это условие существовало. В них воюющие стороны не имели общих границ, что чрезвычайно важно. Не приходится сомневаться в том, что, если две воюющих стороны имеют общую границу, более сильная из них всегда может перейти по своей воле к неограниченной войне.

И не важно, насколько удалена ограниченная цель и насколько просто ее изолировать. Процесс возможен и в том случае, когда воюющие стороны разделены нейтральным государством, потому что на территорию слабой нейтральной страны всегда можно вторгнуться, если цель достаточно важна. Когда нейтральное государство является сильным, всегда остается возможность сделать его союзником.

Таким образом мы приходим к последнему высказыванию – о том, что ограниченная война возможна только между островными государствами или государствами, разделенными морем, и только когда государство, желающее начать ограниченную войну, имеет преимущество на море и может обеспечить не только изоляцию удаленной цели, но и невозможность вторжения противника на свою территорию.

Мы, наконец, пришли к истинному смыслу и величайшей военной ценности того, что мы называем превосходством на море, и имеем возможность прикоснуться к секрету успеха Англии в борьбе с государствами, многократно превосходящими ее в военной силе. Очень хорошо, что в первую очередь этот секрет открылся англичанину. Но следует отметить, что без доктрины Клаузевица смысл известного изречения Бэкона не до конца понятен. «Определенно, – говорил великий елизаветинец об опыте первой имперской войны, – кто имеет преимущество на море, обладает большой свободой и волен принимать такое большое или

такое малое участие в войне, какое захочет. Те же, кто сильнее на земле, тем не менее постоянно попадают в затруднительное положение». Трудно точнее определить важность доктрины Клаузевица. Ее основная истина обозначена ясно: ограниченные войны зависят не от вооруженной силы воюющих сторон, а от количества этой силы, которое они могут или хотят собрать в решающем сражении.

Остается только сожалеть, что Клаузевиц не мог взглянуть на мир глазами Бэкона и всесторонне доработать свою доктрину. Он стремился сформулировать теорию, которая объяснила бы все войны, и верил, что сделал это, но так и не узнал, каков был его успех и насколько широка область, которую он сумел охватить. Судя по всему, Клаузевиц до самого конца не был уверен, что нашел объяснение одной из самых непостижимых проблем истории – английской экспансии, – во всяком случае, насколько она была обязана успешным войнам. То, что маленькая страна со слабой армией сумела захватить самые желаемые районы земли, причем сделать это за счет величайших военных держав, – это парадокс, с которым военные державы мириться не желали. Явление казалось делом случая – случайностью, не имеющей никакой основы в основных законах войны. Именно Клаузевиц, сам того не подозревая, открыл объяснение этого явления, разъяснив нам силу, присущую ограниченной войне, когда условия и средства благоприятны для ее использования.

Если мы рассмотрим проблему в более широком смысле, чем это было доступно Клаузевицу, и подвергнем его последние идеи проверке современных имперских условий, они обретут более полное значение и прочную основу. А после применения их к морской войне становится очевидным, что различие между ограниченной и неограниченной войной, определенное Клаузевицем, опирается не только на моральный фактор. Война может быть ограниченной не только потому, что важность цели слишком ограничена для того, чтобы потребовались силы всей нации, но также потому, что море может представлять собой непреодолимое физическое препятствие для использования сил всего народа. Иными словами, война может быть ограниченной физически – в связи со стратегической изоляцией цели или морально – из-за ее сравнительной неважности.

Глава 5

ВОЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ – ОГРАНИЧЕННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО ИЛИ НЕОГРАНИЧЕННАЯ ВОЙНА

Прежде чем завершить общее рассмотрение ограниченной войны, необходимо поговорить о той форме, которая раньше не упоминалась. Клаузевиц дал ей предварительное название «война ограниченным контингентом» и не нашел для нее места в своей системе. Она представлялась ему в корне отличной от войны, ограниченной своей политической целью, или, как говорил Жомини, войны с территориальной целью. И все же ее необходимо принять во внимание и объяснить хотя бы из-за роли, которую она сыграла в европейской истории.

Мы должны рассмотреть этот тип войн с особым вниманием не только потому, что он поставил в тупик великого немецкого стратега, который не сумел согласовать его со своей военной теорией. Дело в том, что именно в таких войнах Великобритания успешнее всего демонстрировала потенциальную возможность прямого континентального вмешательства маленькой армии, действующей в союзе с доминирующим флотом.

Совместные операции, которые являлись обычным выражением британского метода ведения военных действий на ограниченном базисе, делились на два класса. В первый класс входили операции, направленные только на достижение цели, ради которой началась война, – обычно это были колонии или далекие заокеанские территории. Во второй класс входили операции в прибрежных европейских районах, направленные не на постоянное завоевание, а являвшиеся способом расстроить планы противника и укрепить положение союзников и свое собственное. Такие операции могли иметь форму второстепенных береговых операций или обрести первостепенную важность, как, например, в действиях Веллингтона на Пиренейском полуострове, когда они стали неотличимыми от регулярных континентальных военных действий.

Поэтому создается впечатление, что эти операции различались не столько по характеру цели, сколько по тому факту, что мы выделяли для них не всю нашу военную мощь, а только ее определенную часть. Следовательно, для них нужна особая классификация, и они органично впишутся в категорию, названную Клаузевицем «войной ограниченным контингентом».

Это был характер войны, достаточно хорошо известный на континенте. В XVIII веке имело место значительное число случаев, когда война велась действительно ограниченным контингентом, то есть страна, для которой цель войны не была жизненно важной, вела военные действия, выделяя главной воюющей стороне вспомогательные войска заранее оговоренной силы.

В шестой главе своей последней книги Клаузевиц намеревался рассмотреть эту аномальную форму военного противостояния. Внезапная смерть прервала его работу, и до нас дошел лишь фрагмент этой главы, в которой он признается, что подобные случаи не вписываются в его теорию. Если, добавляет он, вспомогательные силы без ограничений отдаются в распоряжение главной воюющей стороны, проблема довольно проста. Тогда в действительности получается то же самое, что неограниченная война с помощью дополнительно выделенных сил. Но фактически, утверждает он, такое случалось редко, потому что контингент всегда был в той или иной степени управляем особыми политическими целями правительства, которое его направило. Единственный вывод, к которому сумел прийти Клаузевиц, заключался в том, что такую форму войны необходимо принимать в расчет и она является видом ограниченной войны, которая существенно отличается от войны, ограниченной по цели. После чего у нас создается впечатление, что должно быть два вида ограниченных войн.

Но если следовать историческому методу Клаузевица и рассмотреть случаи, когда этот характер войны оказался успешным, и те, в которых успех достигнут не был, мы обнаружим, что, где бы успех ни принимался во внимание, как показатель разумного применения сил, практическая разница между двумя типами ограниченной войны исчезает. Там, где существенные факторы, оправдывающие войну, ограниченную по цели, присутствуют в войне ограниченным контингентом, эта форма войны имеет тенденцию к успеху, и не иначе. Таким образом, мы подходим к предположению, что отличительная черта войны ограниченным контингентом не является неотъемлемой особенностью военных действий, не вписывается в имеющуюся теорию и, следовательно, является не *формой войны*, а *методом*, который может применяться и в ограниченной, и в неограниченной войне. Иными словами, война ограниченным контингентом, если ее считать отдельным видом войны, должна принимать одну форму или другую. Контингент должен действовать как органичное подразделение сил, ведущих неограниченную войну без каких бы то ни было ограничений, или ему необходимо дать определенную территориальную цель с независимыми ограниченными функциями и организацией.

Британский опыт показывает, что война ограниченным контингентом достигает максимального успеха, когда ближе всего подходит к настоящей ограниченной войне. Так было на Пиренейском полуострове и в Крыму, где целью войны было отвоевать у противника определенный участок территории, который в большей или меньшей степени может быть изолирован действиями военно-морского флота. Эффективность такой войны на деле зависит от слаженности, с которой будут действовать флот и сухопутные силы, чтобы дать контингенту силу и мобильность, превосходящие его собственные.

Если уж мы выявили сложности войны ограниченным контингентом, представляется необходимым определить различия между ее британской и континентальной формами. Континентальная форма, как мы уже убедились, не слишком отличается по концепции от неограниченной войны. Контингент, по крайней мере официально, должен использоваться главной воюющей стороной для помощи в уничтожении общего врага, и его цель – организованные силы противника или его столица. Другой вариант – контингент может использоваться в качестве армии наблюдения, чтобы предотвратить контрудар и тем самым облегчить и обезопасить наступательное движение главной воюющей стороны. В любом случае, каким бы ни был его вклад в союзнические силы, используется неограниченная, а не отдельная территориальная цель.

Если теперь обратиться к британскому опыту ведения войны ограниченным контингентом, можно увидеть, что континентальная форма использовалась довольно часто, но она всегда сопровождалась народной антипатией, как будто в ней было нечто антагонистичное национальному инстинкту. Хороший пример – помощь Британии Фридриху Великому в Семилетней войне. В начале войны народная антипатия была столь велика, что мера была признана невозможной, и только великолепное сопротивление Фридриха католическим державам, давшее ему славу протестантского героя, дало Питту возможность сделать то, что он желал. Старый религиозный костер был раздут. Самый мощный из всех национальных инстинктов возбудил в людях чувства, оказавшиеся сильнее врожденной антипатии к континентальным операциям, и стала возможной отправка солидного контингента на помощь Фридриху. В конце поддержка достигла своей цели, но следует заметить, что даже в этом случае операции были ограниченными не только по контингенту, но и по цели. Это правда, что Фридрих вел неограниченную войну, ставкой в которой было само существование Пруссии, и что британские силы стали органичным элементом в его военных планах. Тем не менее они являлись частью британской армии под командованием принца Фердинанда Брансвика, который, хотя и был назначен Фридрихом, считался британским главнокомандующим. Организация его армии была совсем не такой, как у Фридриха, и у нее была очень определен-

ная и ограниченная функция – предотвратить французскую оккупацию Ганновера, для чего обойти пруссаков с правого фланга. И наконец, нельзя не отметить, что своей способностью выполнить эту функцию британская армия обязана тому факту, что назначенный ей театр военных действий был специально организован таким образом, чтобы ни при каких условиях не был потерян контакт с морем и враг не мог перерезать пути подвоза и возможного отступления.

На эти черты операции следует обратить особое внимание. Они отличают ее от более раннего использования британцами войны ограниченным контингентом в континентальных действиях, типичным представителем которых являлась кампания Мальборо. Они проявляют особую форму, которую выбрал бы и Мальборо, если бы позволили политические реалии его времени, и которой предстояло стать характерной для британских операций со времен Питта и далее. В методе величайшего британского военного министра мы имеем не только ограниченность контингента, но и ограниченность определенных и независимых функций и, наконец, контакт с морем. Это очень важный фактор, и именно от него зависит сила британского метода.

В начале великой войны англичане использовали ту же форму в своих операциях на северо-западе Европы. Там у них также имелась ограниченная функция обеспечить безопасность Голландии, поддерживался постоянный контакт с морем, но только ход операций не был независимым. Имели место согласованные действия с другими силами, и результат в каждом случае оказывался неудачным. Позднее на Сицилии, где полная изоляция оказалась достижимой, сила метода позволила англичанам достичь серьезного результата крайне ограниченными средствами. Но результат был чисто оборонительным. Только война на Пиренейском полуострове предоставила идеальный театр для войны ограниченным контингентом, где имелись все условия для успеха. Но даже там, поскольку британская армия считалась вспомогательным контингентом испанской армии, последовала неудача. Только в Португалии, защита которой была действительно ограниченной целью и где существовал окруженный морем театр военных действий, независимый от внешних союзников, с самого начала англичанам сопутствовал успех. Здесь метод оказался так силен, а действия, навязанные противнику, настолько изматывающими, что баланс сил изменился, и англичане смогли перейти в решительное наступление.

Настоящий секрет успеха Веллингтона, помимо его собственной гениальности, заключался в том, что в совершенных условиях он применил ограниченную форму к неограниченной войне. Цель англичан была неограниченной. В конечном счете целью было свержение Наполеона. Полным успехом на море она не была достигнута, но этот успех дал англичанам возможность применить ограниченную форму, которая была самой действенной формой наступления в их распоряжении. Ее важнейший вклад в итоговое достижение цели сейчас признан всеми.

Основной вывод из указанного выше заключается в том, что война ограниченным контингентом в континентальной форме редко или вообще никогда не отличается по характеру от неограниченной войны. Причиной этому является факт, что условия, требуемые для ограниченной войны, создаются редко или никогда. Но то, что может быть названо британской или морской формой войны, в действительности является применением ограниченного метода к неограниченной форме, как помощь в более крупных операциях союзников, – этот метод обычно был доступным для англичан, потому что преимущество на море позволило нам выбирать театр в самом деле ограниченный⁹.

⁹ Мнение Веллингтона о важнейшем факторе было выражено контр-адмиралом Маркхэмом, который в сентябре 1813 года был направлен адмиралтейством в Испанию для переговоров с Веллингтоном. «Если кто-нибудь, – сказал он, – желает знать историю этой войны, я скажу, что именно господство на море дает мне возможность поддерживать мою армию, в то время как у противника такой возможности нет». (Примеч. авт.)

Но что, если условия борьбы, в которую мы собираемся вмешаться, таковы, что действительно изолированный театр недоступен? В этом случае придется выбирать: отдать ли контингент безоговорочно в распоряжение союзников или ограничиться мелкими операциями на берегу, как те, что выполнялись англичанами по требованию Фридриха Великого в начале Семилетней войны. Подобные операции редко могут стать удовлетворительными для любой стороны. Небольшие положительные результаты попыток англичан вмешаться в боевые действия таким образом на деле больше, чем что-либо другое, дискредитировали эту форму войны, выказав ее нестоящей для великой державы. И все же факт, что все великие континентальные военачальники боялись подобного британского вмешательства и высоко ценили его даже при самых неблагоприятных условиях, является неоспоримым. Все потому, что они искали эффект скорее в угрозе, чем в исполнении, и вообще не рассчитывали на положительный результат. Поскольку это вмешательство обычно имело форму десантной операции, его воздействие на европейскую ситуацию всегда было непропорционально велико, если сравнивать с фактической мощностью и возможными позитивными результатами. Его продуктивность заключалась в том, что оно грозило позитивными результатами, если не встречало достаточно сильный отпор. Короче говоря, его воздействие было негативным, а ценность заключалась в возможности сдерживать силы, превышающие собственные. Это все, что можно сказать о нем, но, может быть, от него больше и не требуется. Такое вмешательство – не самый радикальный метод интервенции, но он является наилучшим для державы, чьи силы не приспособлены для методов более высокого уровня. Фридрих Великий был первым великим солдатом, признавшим это. А Наполеон оказался последним. В течение многих лет французский император закрывал глаза на этот метод, насмехался над ним, всячески демонстрировал презрение. В 1805 году он назвал экспедицию Крейга «шайкой пигмеев», и все же подготовка другого объединенного отряда, которому предстояло отправиться в другое место, заставила его понять, что игнорировать такие вещи нельзя. Наполеон даже пожертвовал своим флотом в бесплодной попытке дать отпор.

Только спустя четыре года он был вынужден открыто признать эффективность такого вмешательства. Интересно, что окончательно убедила его экспедиция, которую сами англичане рассматривали как самую неудачную и нехарактерную десантную операцию против континентальных стран. Экспедицию на Валхерен¹⁰ сейчас обычно рассматривают как показатель глупого и бессмысленного ведения военных действий. Историки не находят достаточно уничижительных слов, чтобы ее охарактеризовать. При этом они упорно игнорируют тот факт, что она явилась шагом – завершающим и самым трудным – в британской пост-трафальгарской политике использования армии для совершенствования доминирования на море против флота, упрямо действуя в обороне. Она началась в Копенгагене в 1807 году и оказалась неудачной в Дарданеллах, потому что флот и армия были разделены. Эта экспедиция имела успех в Лиссабоне и Кадисе только благодаря демонстрации силы. Валхерен был последним. Экспедиция долго откладывалась. Наполеон ожидал попытки с тех пор, как идея впервые начала рассматриваться в этой стране, но время шло, удара все не было, и опасность стали все больше игнорировать. Наконец настал момент, когда во время ведения тяжелых боев в Австрии он был вынужден поднять свои основные силы против эрцгерцога Карла. Риск был велик, но британское правительство это хорошо понимало. Сейчас или никогда. Англичане были решительно настроены максимально увеличить свои военные силы на Пиренейском полуострове, и, пока мощный и растущий флот оставался в Северном море, он оставался помехой этому. Предполагаемая выгода от успеха была, по мнению правительства, настолько велика, что вероятные потери от неудачи можно было считать незначительными. Когда Наполеон меньше всего ожидал удара, англичане решили нанести его,

¹⁰ Речь идет о неудачной британской экспедиции в Голландию в 1809 году.

тем самым застав французов врасплох. Оборона Антверпена осталась незавершенной. Не было армии, чтобы встретить удар, – ничего, кроме многоязычной толпы без штаба и офицеров. Наполеоновский флот ушел двадцать четыре часа назад, и все же неудача оказалась просто катастрофической. Однако ее причины были случайными, и в целом экспедиция оказалась настолько близка к успеху, что Наполеон испытал шок и стал ожидать повторения попытки в ближайшее время. Он с такой серьезностью отнесся к тому непреложному факту, что ему едва удалось избежать беды, что был вынужден пересмотреть всю свою систему обороны. Наполеон не только счел необходимым выделить значительные суммы на строительство оборонительных сооружений в Антверпене и Тулоне, но и поручил своим людям разработать план выделения из рядов национальной гвардии не менее 300 000 человек для защиты французского побережья. «Имея 30 000 человек в Даунсе¹¹, – писал император, – англичане могут парализовать мою 300-тысячную армию. Это низводит нас до положения второстепенного государства». Концентрация британских сил на Пиренейском полуострове, очевидно, сделала реализацию этого проекта ненужной, то есть наши планы были обнаружены, и угроза миновала. Однако признание Наполеоном принципа действий англичан осталось зафиксированным в письменном виде – не в речах, но в соответствующем приказе по штабу.

Принято считать, что современное развитие военной организации и транспорта позволяет континентальным державам игнорировать подобные угрозы. Наполеон игнорировал их в прошлом, но только подтвердил истину, что в войне игнорировать угрозу – значит создать возможность. Такие возможности могут раньше или позже представиться. Как утверждали маститые британские военные специалисты, внезапность вовсе не является обязательным условием начала таких операций. Обычно приходится создавать определенную ситуацию или дожидаться удобного момента – слишком часто из-за собственной неготовности или недостаточной решительности, чтобы воспользоваться первой же представившейся возможностью.

Случаи, в которых такое вмешательство оказалось наиболее действенным, можно разделить на два класса. Во-первых, это внедрение в военный план, который противник разработал без расчета на нашу интервенцию и которого он неуклонно придерживается на начальном этапе. Во-вторых, это вмешательство с целью лишить противника плодов победы. Такая форма весьма действенна, поскольку неограниченные войны не всегда решаются уничтожением армий. Обычно остается сложная работа, связанная с последующим покорением народа измотанной армией. Вмешательства небольшой свежей силы с моря в таких случаях обычно достаточно, чтобы решить исход дела, как это было на Пиренейском полуострове и, по мнению некоторых авторитетов, могло быть во Франции в 1871 году.

Подобное предложение может показаться ересью, поскольку грешит против принципа, порицающего стратегический резерв. Мы говорим, что все доступные силы должны быть развернуты в самый ответственный период борьбы. Никто с этим и не спорит. Это сущая правда, когда речь идет о конфликте между организованными силами, но в отсутствие доказательств мы имеем право усомниться в справедливости утверждения относительно утомительного и деморализующего периода, который следует за столкновением армий.

¹¹ Даунс – рейд и морская область на юге Северного моря у побережья Кента. Служил базой для ВМФ.

Глава 6

РОЛЬ СИЛЫ В ОГРАНИЧЕННОЙ ВОЙНЕ

Элементы силы в ограниченной войне близки к аналогичным составным частям, присущим обороне. Можно сказать, что как правильное использование обороны иногда может позволить меньшей силе добиться своей цели, выступая против силы превосходящей, так и правильное использование ограниченной формы войны может обеспечить слабому в военном отношении государству успех в борьбе с более сильным. Причем таких примеров слишком много, чтобы их можно было отнести к случайностям.

Очевидный элемент силы заключается в том, что при благоприятном географическом положении мы имеем возможность, используя военно-морской флот, ограничить численность войск, с которыми предстоит иметь дело армии. Мы действительно можем использовать флот, чтобы изменить неблагоприятное соотношение наземных сил в свою пользу. Но помимо этой практической причины есть и другая, корни которой уходят в первые принципы стратегии.

Дело в том, что ограниченная война позволяет использовать оборону без ее обычных недостатков в степени, невозможной в неограниченной войне. Эти недостатки, главным образом, заключаются в том, что она имеет тенденцию отдавать инициативу противнику и лишает войска радостного возбуждения, вызванного наступлением. Но в ограниченной войне, как мы увидим, этого может и не быть, и, если без этих жертв мы сможем действовать в основном в обороне, наша позиция станет в высшей степени сильной.

Утверждение не допускает сомнений. Даже если мы не вполне согласны с доктриной Клаузевица о силе обороны, можно, по крайней мере, принять ее модификацию, сделанную Мольтке. Он утверждает, что сильнейшая форма войны – то есть форма, которая экономически способствует высшему проявлению силы в данных войсках, – это стратегическое наступление в комбинации с тактической обороной. Это в самом деле условия, которые может дать ограниченная война, если театр и метод выбраны правильно. Следует помнить, что использование этой формы войны предполагает возможность, благодаря высшей степени готовности и мобильности или удобному географическому положению, закрепиться на территориальной цели, прежде чем противник сумеет собрать силы, чтобы помешать. Сделав это, мы получаем инициативу, и противник, предположительно не имеющий возможности атаковать нас дома, должен согласиться с нашим началом, попытавшись изгнать нас. Мы находимся в положении, позволяющем встретить атаку в районе по своему выбору и использовать все возможности контратаки, которые предоставят нам его утомленные наступающие войска. Предполагая, что территориальная цель окружена морем, а наш противник не обладает преимуществом на море, такие возможности непременно представятся и, даже если не будут использованы, затруднят главную атаку. Отличный пример – нервозность русских во время их наступления в глубь Ляодунского полуострова, вызванная опасностью контрудара со стороны залива Печили.

Ситуация, которую создает этот метод ведения боя, характеризуется тем, что наша главная стратегия – наступление, то есть наше главное движение – позитивно и имеет целью оккупацию территориальной цели. Малая стратегия, которая следует далее, должна быть в общих чертах оборонительной, призванной, пока противник старается вытеснить нас, накопить максимальную энергию контратаки, соотносимую с нашими силами и возможностями.

Если мы считаем, что благодаря всеобщему соглашению в современных условиях сухопутной войны больше невозможно провести границу между тактикой и малой стратегией, мы имеем в свою пользу для всех практических целей идентичную позицию, которую

Мольтке считал важным элементом сильнейшей формы войны. Можно сказать, что наша большая стратегия – наступление, а наша малая стратегия – оборона.

Если к тому же ограниченная форма войны имеет этот элемент силы выше, чем неограниченная форма, очевидно, правильно использовать более изнурительную форму и когда цель ограничена, так же как и правильно использовать оборону, когда цель негативна и мы слишком слабы для наступления. Этот пункт очень важен, поскольку является прямым отрицанием текущей доктрины о том, что в войне может быть только единственная допустимая цель – уничтожение средств сопротивления противника и что первоочередной целью всегда должны являться его вооруженные силы. Встает вопрос: не является ли иногда нерациональным стремиться прямо к последующей цели войны?

Несмотря на все то, что об этом говорили Клаузевиц и Жomini, преобладает мнение, что вопрос допускает только один ответ. Фон дер Гольц, например, подчеркивал, что уничтожение противника всегда должно быть целью современной войны. По его мнению, «первый принцип современной войны» состоит в том, что «непосредственная цель, против которой должны быть направлены все наши усилия, – это вражеская армия». А у принца Крафта есть максима, что «первой целью должно быть уничтожение вражеской армии. Все остальное – оккупация страны и т. д. – находится на втором плане».

Здесь автор признает, что процесс оккупации вражеской территории – это операция, отличная от уничтожения вооруженных сил противника. Фон дер Гольц идет дальше и протестует против обычной ошибки, заключающейся в рассмотрении уничтожения главной вражеской армии как синонима полного достижения цели. Он утверждает, что, согласно существующей доктрине, хорошо, «когда два воюющих государства отличаются примерно одинаковой природой». В случаях, когда оккупация территории должна быть произведена как отдельная операция, не требующая предварительного разгрома вражеской армии, и если условия таковы, что можно оккупировать территорию с выгодой, предварительно не нанеся поражение врагу, это определенно вопрос педантизма – настаивать, чтобы на завтра было отложено то, что можно сделать сегодня. Если речь заходит об оккупации всей территории противника или даже ее существенной части, немецкий принцип, конечно, хорош, но далеко не все войны таковы.

Настойчивое требование соблюдения принципа «уничтожения» и даже его преувеличение в свое время было ценным, поскольку предотвращало возврат к старым, дискредитировавшим себя методам. Но он выполнил свою функцию, и слепая приверженность ему, без учета принципов, на которых он основан, имеет тенденцию низводить военное искусство до поединка дубинками.

Клаузевиц, во всяком случае, как указывал генерал фон Кеммерер, был слишком грамотным солдатом, чтобы связывать себя столь абстрактным предположением во всей его современной незрелости. Если бы дело обстояло так, для более слабого государства было бы в любом случае невозможно вести успешную войну против более сильного, а этот вывод опровергается историческим опытом. То, что высшая форма войны, такая как наступление, является более радикальной, представляется определенным, если, конечно, условия позволяют ее использовать. Но Клаузевиц, и это следует помнить, четко утверждает, что такие условия предполагают наличие у воюющей стороны, использующей высшую форму, большого физического или морального превосходства или находчивости и инициативы – внутренней склонности к большим опасностям. Жomini так далеко не зашел. Он, конечно, вычеркнул бы «внутреннюю склонность к большим опасностям», потому что, по его мнению, именно она заставила Наполеона злоупотребить высшей формой войны себе на гибель. Как мы видим, история не меньше, чем теория, не поддерживает идею одного ответа, и создается впечатление, что даже в Германии начинается противодействие истинному учению Клаузевица. Поясняя его, фон Кеммерер говорит: «Поскольку большинство самых выдающихся

военных авторов нашего времени поддерживают принцип, заключающийся в том, что в войне наши усилия всегда должны быть предельными и что намеренное использование низших средств демонстрирует слабость, я считаю своим долгом заявить, что широта взглядов Клаузевица вызывает у меня высшую степень восхищения».

Если быть точным, Клаузевиц утверждал следующее: когда условия неблагоприятны для использования высшей формы войны, захват небольшой части вражеской территории может рассматриваться как правильная альтернатива уничтожению его вооруженных сил. Но он считал эту форму войны чем-то вроде хитрости, уловки. Его чисто континентальные взгляды не позволили ему понять, что вполне возможны ситуации, когда цель будет действительно настолько ограничена, что низшая форма войны окажется более эффективной и экономичной. В континентальной войне, как мы уже видели, такие случаи вряд ли возможны, но при значительном влиянии морского фактора они заявляют о себе во весь голос.

Тенденция британцев выбирать низшую или ограниченную форму войны всегда была выражена так же ясно, как противоположная тенденция на континенте. Отнесение этой тенденции, как иногда делают, к унаследованному недостатку военного духа было бы противоречием в отношении весьма впечатляющих достигнутых с ее помощью результатов. Нет никаких оснований объяснять ее чем-то другим, кроме как здравомыслием при выборе формы войны, наилучшим образом соответствующей условиям существования британцев. Их благоразумие и проницательность настолько развиты, что они обычно применяли именно ограниченную форму войны не только в том случае, когда ее целью являлась точно определенная территория, но и когда обоснованность ее применения была менее очевидна. Как уже говорилось в предыдущей главе, британцы применяли ее, причем в основном успешно, и действуя вместе с союзниками на континенте для неограниченной цели, то есть когда общая цель – уничтожение общего врага.

На деле выбор между двумя формами зависит от обстоятельств каждой конкретной ситуации. Необходимо определить, является ли политическая цель действительно ограниченной, можно ли свести ее, если она ограничена лишь теоретически, к конкретной ограниченной цели и способствуют ли стратегические условия успешному применению ограниченной формы.

Теперь нам требуется определить эти условия с максимальной точностью, и лучше всего это сделать, изменив наш метод на реальный и приведя конкретный пример.

Проще и нагляднее всего это сделать на примере войны между Японией и Россией. Перед нами – типичная ситуация: маленькая страна, навязавшая свою волю великой стране, не разгромив ее – иначе говоря, не уничтожив ее силу сопротивления. Подобное было Японии не по силам. Поскольку повсеместно на континенте уничтожение врага считалось единственной допустимой формой войны, действия Японии, рискнувшей вступить в войну, посчитали безумием. Только в Англии, с ее традициями и пониманием, чего островное государство может достичь, используя низшие средства, считали, что у Японии были все шансы на успех.

Пример является тем более удивительным, потому что все считали истинную цель войны абстрактно неограниченной. Во многих странах верили, что в действительности война должна была решить, кто будет доминировать на Дальнем Востоке – Россия или Япония. Как и Франко-прусская война 1870 года, Русско-японская война имела внешний вид того, что немцы называли «испытанием сил». Такая война, прежде всего, стремится к полному уничтожению одного противника другим. В этом случае не было никаких сложностей, связанных с союзниками, – их и быть не могло. Англо-японский договор¹² изолировал борьбу. Что же касается исключительно боевой мощи, можно сказать следующее. После

¹² Англо-японский договор был подписан 17 января 1902 года.

окончания войны мы склонны приписывать ее результат моральным качествам и профессиональной подготовке победителей. Эти качества, конечно, сыграли свою роль, и их значение нельзя приуменьшать, но кто станет утверждать, что, если бы Япония попыталась воевать с Россией так, как это сделал Наполеон, она бы достигла хотя бы такого же результата? Она не имела перевеса, который Клаузевиц назвал основным условием, предшествующим попытке уничтожить врага – применению неограниченной войны.

К счастью для Японии, обстоятельства не требовали применения таких неограниченных средств. Политические и географические условия были таковы, что она смогла свести нематериальную цель отстаивания своего престижа к совершенно конкретной форме территориальной цели. Вторжение русских в Маньчжурию угрожало включением Кореи в состав Российской империи, что японцы считали гибельным для своего положения и будущего развития. Сохранение целостности Кореи было бы внешним и очевидным признаком ее способности утвердиться в качестве великой тихоокеанской державы. Абстрактная ссора Японии с Россией выкристаллизовалась в конкретную цель, таким же образом, как ссора западных держав с Россией в 1854 году выкристаллизовалась в конкретную цель – Севастополь.

В случае с Японией непосредственная политическая цель была очень хорошо приспособлена для использования ограниченной войны. Благодаря географическому положению Кореи и наличию больших, плохо освоенных территорий, отделяющих ее от центра Российского государства, она могла быть практически полностью изолирована действиями военно-морского флота. Более того, здесь выполнялось условие, которому Клаузевиц придавал первостепенное значение, – захват конкретного объекта не только не ослабил оборону Японии, но и существенно усилил ее позицию. Операция была наступательной по сути и замыслу и одновременно, как захват Фридрихом Великим Саксонии, прекрасно сработала в отношении обороны. Япония не только не открыла свое сердце, но сделала его практически неприступным. Причина проста: благодаря большому расстоянию до двух русских арсеналов – Порт-Артура и Владивостока – и проходу, контролируемому японцами, положение русского флота было очень слабым. Единственным способом исправить ситуацию была организация базы в корейских проливах. Россия уже давно пыталась добиться этого дипломатическими средствами, ведя переговоры в Сеуле. Стратегически целостность Кореи была для Японии столь же важна, как целостность Бенилюкса для Великобритании, только в случае Бенилюкса, поскольку эти страны было практически невозможно изолировать, возможность прямого воздействия Великобритании всегда была сравнительно невелика. Португалия с ее непревзойденной в стратегическом отношении гаванью в Лиссабоне была аналогичным случаем в прежних океанских войнах Великобритании, и, поскольку ее можно было в какой-то степени изолировать от извечного противника англичан силами военно-морского флота, им там всегда сопутствовал успех. В целом можно сказать, что, несмотря на успехи, которых Великобритания достигла в длинной серии войн, которые велись на ограниченной основе, ни в одной из них условия не были такими благоприятными, как те, что сложились для Японии. Ни в одной из них главное наступательное движение не было настолько благоприятным для домашней обороны. Канада ничего не добавила к английской линии обороны своей страны, а в Крыму наше наступление настолько явно оставило без прикрытия Британские острова, что англичанам срочно пришлось дополнять свою операцию против ограниченной цели отправкой боевого флота для контроля выхода из Балтийского моря, чтобы предотвратить опасность неограниченного контрудара¹³.

¹³ Стратегической целью отправки балтийского флота, конечно, было предотвращение контрудара, то есть его главная функция в военном плане была негативной. Его позитивная функция была второстепенной и только отвлекающей внимание. Он также имел политическую цель – демонстрацию силы, которая должна была способствовать попыткам англичан сформировать Балтийскую коалицию против России. Эти попытки не увенчались успехом. Общество, неправильно оценив ситуацию, ожидало прямых положительных результатов от флота, вплоть до захвата Санкт-Петербурга. Подобная опера-

Рассматривали или нет японцы войну с самого начала сквозь призму этого принципа, не имеет большого значения. Главное, что при такой благоприятной территориальной цели, как Корея, ограниченная война оказалась возможной в своей самой благоприятной форме. Война действительно оказалась ограниченной и была полностью успешной. Не ожидая обеспечения превосходства на море, Япония начала с внезапного захвата Сеула, после чего под прикрытием второстепенных операций флота перешла к полной оккупации Кореи. На пороге второй стадии – организации защиты завоеваний – превосходный характер географической цели проявился еще четче. Теоретическая слабость ограниченной войны в этот момент заключается в сдерживании наступательных операций. В рассматриваемом случае такое сдерживание не было необходимым и даже возможным по следующим причинам. Для того чтобы защитить свои завоевания, японцам следовало бы не только сделать корейскую границу неприкосновенной, но и изолировать страну со стороны моря. Именно поэтому было необходимо уничтожить русский флот, что влекло за собой подавление Порт-Артура военными средствами. На второй стадии японцы тоже действовали в двух направлениях с разными целями – Порт-Артур и русская армия, которая медленно собиралась в Маньчжурии, – весьма неприятная ситуация. Однако географическое положение театра оказалось настолько удачным, что благодаря внезапности и решительным действиям на море ее удалось существенно улучшить. После выдвижения корейской армии в Маньчжурию и высадки войск между ней и армией Порт-Артура, после сосредоточения трех корпусов, опасное разделение направлений операций перестало быть угрожающим. Силы японцев были скомпонованы таким образом, что возникла прямая угроза контратаки на Ляоян раньше, чем русские сконцентрируют достаточно сил для наступления. Ляоян был не только местом сосредоточения русских войск, но также надежной позицией и для защиты Кореи, и для прикрытия осады Порт-Артура. Его захват давал японцам все преимущества обороны и вынуждал русских на ведение наступательных операций, которые были им не по силам. Это преимущество было достигнуто не только на берегу. Успех кампании, кульминацией которой стало падение Порт-Артура, был весьма впечатляющим. Он не только обеспечил Японии относительное преимущество на море, но и позволил ей перейти к морской обороне и навязать России итоговые действия на море, пользуясь всеми возможными преимуществами времени, места и силы себе на пользу.

ция превратила бы войну из ограниченной в неограниченную, что означало необходимость «уничтожения противника», а эта задача была непосильной для союзников без помощи Балтийских государств. Но даже их вмешательство не оправдало бы изменение характера войны, если, конечно, Швеция и Пруссия не были бы готовы развязать неограниченную войну, но это в их планы не входило. (Примеч. авт.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.